

АЛЕКСЕЙ
ГРИШИН

СВЯЗАННАЯ

игра

“ОДИССЕЙ”

Алексей Гришин

Навязанная игра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69028861

SelfPub; 2023

Аннотация

1993 год. Тот самый, когда танки стреляли по Белому дому. Майор уголовного розыска Василий Щербатов служит в обычном отделении милиции. Среди измученных тяжелой работой и безденежьем коллег он – счастливчик. Есть деньги не только на поездку в Швейцарию, где живут жена и годовалая дочь, но и в Штаты, где растет сын, которому тоже год. В свой отпуск он мечтал просто увидеть детей, хоть как-то объясниться с любимыми женщинами. Не вышло. В Москве произошло убийство, одно из многих в то жестокое время. Но в этот раз под ударом оказались матери его детей. А значит – оставаться в роли наблюдателя не получится. Приходится забыть об отдыхе и влезать в жестокую драку, где сплелись интересы и российских братков, и американских гангстеров, российских контрразведчиков и ЦРУ, нашей разведки и ФБР.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	4
ЧАСТЬ 1	8
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	58
Глава 8	65
ЧАСТЬ 2	78
Глава 9	78
Глава 10	86
Глава 11	93
Глава 12	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Алексей Гришин

Навязанная игра

ВСТУПЛЕНИЕ

Индейское лето в России. Голубое, пожалуй, даже почти синее небо, яркое, но не жаркое уже солнце, зелень деревьев вперемешку с желтыми, оранжевыми и красными листьями, которые только-только начали опадать.

Очень похоже на Канаду, куда когда-то так хорошо было съездить за грибами с женой. Или «по грибы», как говорят в местных деревнях.

Да... «Хоть похоже на Россию, только все же не Россия», так, кажется, поет какой-то местный бард.

Правда, последнее время гулять по местным лесам стало небезопасно – преступность здесь даже не выросла, она, кажется, выскочила. Словно маскировалась, пряталась в скронах и подвалах, а, дождавшись нужного момента, воспряла, развернулась во весь свой громадный рост и бросилась покорять Россию, не делая поблажки ни старым, ни малым. Пришлось даже разработать и раздать сотрудникам посольства памятку по безопасному поведению в еще недавно спокойной и мирной Москве.

Но в этом лесочке, прилегающем к охраняемому как

Форт-Нокс заповеднику, любимому всеми правителями этой страны, можно чувствовать себя спокойно. Здесь, среди пахнущих мокрой землей, густых, почти непроходимых ельников и просто сказочных дубрав все еще можно набрать корзинку грибов без риска нарваться на грабителей и хулиганов.

А еще спокойно побеседовать с человеком, не стремящимся к популярности. Вот и он, кстати, стоит, как и условились, на перекрестке проселочных дорог.

– Здравствуйте, уважаемый. Мы ведь именно с вами договаривались о встрече, насколько я понимаю? Мне надо представляться? – Мужчина в дешевом камуфляжном костюме, какие недавно вошли в моду в России, и коротких резиновых сапогах протянул руку.

– Нет, вас я знаю в лицо, – худощавый среднего роста брюнет, одетый в совершенно неуместные для прогулки по густому лесу легкую серую куртку, джинсы и кроссовки, пожал ее.

– Отлично, рад познакомиться лично. Отойдем немного в сторону, – мужчина приглашающе указал рукой. – Мало ли кто здесь гуляет.

Они прошли по сосновому бору, пока дорога не скрылась из глаз, и сели на поваленное дерево. Перспектива испачкать чистую одежду брюнета, по-видимому, не волновала совершенно.

– Хотите? – мужчина достал из кармана флягу. – Хороший коньяк. Нет? Ну, как знаете.

Сам он сделал глоток, поморщился и убрал флягу назад.

– Итак, мы внимательно изучили переданные вами документы. Не стану скрывать, они представляют интерес. Как вы желаете поучить деньги?

– Здесь и наличными, – собеседник заметно напрягся.

Мужчина кивнул.

– Разумно. Мне поручено говорить о двадцати тысячах долларов.

– Что! – Брюнет вскочил. – Двадцать тысяч за такую информацию?!

Но его собеседник остался совершенно спокоен.

– Не нервничайте вы так. Может, все же коньяку? Нет? Ладно-ладно, вы только успокойтесь. Вы правы, еще пару лет назад это стоило совершенно других денег. Но Сергей Васильевич, друг мой, времена изменились. Союза нет, а рассматривать то, что от него осталось, как опасного противника, согласитесь, несерьезно. Поэтому и расценки изменились.

Мужчина тоже встал, по-дружески положил руку на плечо собеседника и продолжил:

– Разрешите нескромный вопрос: вы чего ожидаете от нашего сотрудничества?

Брюнет посмотрел на него с удивлением.

– Денег. А что, есть другие варианты?

Мужчина вновь сел на упавшую сосну.

– Да вы садитесь, садитесь. Разговор нам предстоит долгий. Нет, другой цели я вам предложить не могу. А вот

способы заработка, учитывая ваши возможности, они могут быть разными. И гораздо более интересными, чем, вероятно, вам представляется. Нет, ну в самом деле, что за бизнес – торговать никому не нужными секретами никому не интересной страны. Я вот о чем думаю...

ЧАСТЬ 1

ПО ТЕЧЕНИЮ

Глава 1

Что делает мент, возвращаясь домой?

Целует жену, обнимает ребенка.

Нет жены? Не беда, мир не без добрых дам, готовых скрасить вечерок одинокому нестарому еще мужчине.

А в крайнем случае, если уж совсем не везет, есть старый добрый стакан, а в холодильнике волшебный сорокаградусный эликсир, способный отвлечь бедолагу от мыслей о накопившихся висяках, неотработанных заявлениях и предстоящей проверке прокуратуры, на которой непременно всплывет эта муть.

Все обычно, как было, как есть и как будет. Ныне и присно, и во все времена, аминь.

И лишь Вася Щербатов, зам по розыску самого обычного отделения милиции, приходя домой, превращался.

Для этого не требовались заклинания, волшебные палочки или магические амулеты. Все происходило проще и, в то же время, чудеснее.

Достаточно было снять пиджак, развязать галстук, вклю-

читать компьютер, и чудо свершалось! Майор московской милиции исчезал. Перед экраном большого, с громом включаемого дисплея садился Клаудемарионееидэ Луис Густаво Бонкриштиану ди Гранин. Филолог, чьи исследования за короткий срок заслужили благосклонное внимание специалистов.

Два года назад никому не известного бразильца русского происхождения открыл профессор Принстонского университета Айварс Апинис. С тех пор под редакцией этого уважаемого ученого вышла монография и несколько интересных статей молодого филолога. Сейчас он работал над второй книгой, которая, по убеждению профессора, должна была стать основой для будущей диссертации.

Но не станет, увы. Можно, конечно, доказать, что господин Бонкриштиану и майор милиции Щербатов, действительно выпускник филфака МГУ, – одно лицо. Но тогда ясным светом засветится мирно живущий в Нью-Йорке агент милиции «Комаров» – племянник профессора Апиниса. Бывший агент, но что это меняет? Не должно такого случиться. И не случится. Никогда. Точка.

Поэтому, хоть и пишет бразильский филолог свои книги и статьи, публикуется в самой Америке, даже гонорары получает, но подать документы в докторантуру ему не судьба. Мент Щербатов не велит.

Впрочем, эти мысли уже давно передуманы, решение принято, но работа не остановлена. Мирно шуршит клавиатура,

на экране возникают строчки, собираясь в страницы и главы симпатичной вроде бы монографии. Справа стакан чая в старом железном подстаканнике, слева тарелка с бутербродами, впереди выходные... благодать...

И вдруг телефон. Нет, ну надо же! Кому неймется?

– Але, Василий Петрович, это Пасько.

Дежурный по отделению! Черт, этот служака просто так звонить не станет, наверняка на работу потянет. А неохота...

– Чего надо, Микола? Могу я хотя бы вечером отдохнуть?

– Дык, Василь Петрович, никак без вас! Тут мужик пришел. Побитый, без документов, и чего-то на английском лопочет, ругается вроде, а по-нашему ни слова не понимает. Дежурный опер на выезде, но и когда приедет – толку-то с него как с козла молока. Востряков, он, сами знаете, и по-русски в падежах путается, когда без мата. Выручайте, товарищ майор! Не дай бог с иностранцем скандал выйдет – задолбают же проверками!

Щербатов мысленно сплюнул. Да уж, Леха Востряков – еще тот процессуал. Романтик, два месяца назад по собственному желанию сменивший сытную службу в ГАИ на грязь и нервы земельного сыщика, этот старлей уже прогремел на весь район, составив Протокол вскрытия и освидетельствования унитаза! Такой запросто подставит, причем не со зла, а от элементарной безграмотности.

Что делать, в новой России народ из розыска рванул увольняться широким таким потоком. Зарплаты нищенские,

да еще и задерживают их безбожно. Криминал расцветает пышным цветом, заваливая по уши работой тех упертых, кто еще остался тянуть тяжкую ментовскую лямку. Вот и ломались опера на вольные хлеба, где тоже не сладко, но хотя бы просто полегче живется.

Так что не до жиру теперь, приходится радоваться и Вострякову, благо парень нормальный – работающий и порядочный. Правда, учить его еще и учить, а пока не выучил, что же делать? Собирайтесь, товарищ сыщик, и двигайте в родное отделение. С очередным заявителем разбираться.

По дороге Щербатов постарался отвлечься. От работы, от забот. Теплый августовский вечер навевал приятные мечты. О журналистке Джудит Кемпбелл, что в далекой Америке родила сына, о работающей в Швейцарии жене, которая год назад родила дочь... Правда, детей счастливый папа видел лишь на фотографиях, стоящих сейчас на его письменном стол.

Вроде бы и проблема у него с женщинами, и хрен знает, как теперь выкручиваться, а сердце все равно поет. Он – уже отец! Нет, дважды отец. И после того, как уже распрощался с надеждой на это счастье. Так что нафиг грусть! Не тот случай, чтобы унывать. Вот получит на днях загранпаспорт, уйдет в отпуск и махнет в Швейцарию – благо с визой проблем быть не должно. С Америкой – сложнее, но тоже что-нибудь наверняка придумается.

Однако в Швейцарию – обязательно! Правда, на средства

жены. Нет, по факту и собственные деньги есть — командировка девяносто первом в Штаты принесла не только головную боль, жуткие воспоминания и шрамы, но и счастливое знакомство с Джудит, и, что немаловажно, денежки, которые мирно лежат себе на счетах в забугорных банках. Жаль, что пользоваться ими пока не получается.

О, вот и отделение. Даже на улице слышно, как по-английски скандалит возмущенный некто:

— Джентльмены! — Вежлив, однако, господин. — Что происходит? Я уже час здесь сижу, рассказываю вам о грабителях, а никто ничего не делает! Да вы даже не хотите работать! Как это возможно, что вы за полицейские такие? У нас вы с таким отношением к гражданам дня бы не проработали, да вас близко к полиции не подпустили! Да я жалобу вашему шерифу... прокурору... да я... Клод? — говоривший внезапно замолк, в упор уставясь на вошедшего Щербатова.

Тот тоже на мгновение остолбенел. Вот это номер! Ни хрена себе!

— Фрэнки, друг, ты здесь откуда?

В дежурке затрапезного отделения московской милиции стоял детектив полиции штата Нью-Джерси Фрэнк Кассиди, собственной персоной. С кое-как перебинтованной головой, пятнами крови на разодранной куртке и белоснежной когда-то рубашке, украшенной малахитовыми запонками, с разбитыми костяшками крепких кулаков.

— А... э... да я... вот.

– Спасибо, понял. Но хотелось бы узнать подробности.

И тут-же по-русски дежурному:

– Микола, я его забираю, пообщаемся в моем кабинете.

– Василь Петрович, никак не можно! – всполошился Пасько. – У вас же ремонт начали, потолки белят, стены красят! Чтобы, значит, к понедельнику успеть. Нельзя к вам в кабинет – и грязно, и краской воняет. Давайте я кабинет оперов открою – там хоть чисто. Ну, не совсем, конечно, но все лучше, чем в вашем.

Щербатов вспомнил ухоженное, почти уютное здание полиции Кранбери, где служил мистер Кассиди. С ведущей ко входу аккуратной, выложенной тротуарной плиткой дорожкой, с барельефом эмблемы полиции на фасаде. Пластиковые окна, красивые полы... Ну что же, дружище Фрэнки, добро пожаловать в российский околоток. Готовься к шоку.

Если Щербатов хотел поразить американского гостя, то это удалось в полной мере. Войдя в прокуренный, грубо покрашенный в ядовито-зеленый цвет кабинет с протертым линолеумом, стоящим в углу облупившимся сейфом, покоцанными столами и убогими стульями, Фрэнки онемел.

– Только на тот стул не садись! – указав в угол сразу предупредил Щербатов. – Он у нас сывороткой правды трудится.

– Как? – на автомате спросил совершенно обалдевший гость.

– Да эта конструкция от косого взгляда разваливается. Ко-

гда ребята его на голову упертого злодея опускают, тот ни синяка, ни царапины не получает, но впечатляется до изумления. Все рассказывать начинает – и о чем спрашивают, и о чем догадываются, и о чем понятия не имеют. Очень эффективное ноу-хау, рекомендую.

– Клод, так это твой офис?! В этом... э... здесь что, работать можно?

Щербатов дружески хлопнул потерпевшего по плечу.

– Сейчас продемонстрирую наглядно. Не вздрагивай, это не так страшно. Просто присаживайся и рассказывай, что с тобой произошло.

Ситуация оказалась до тошноты банальной. Остановившемуся в «Интуристе» интуристу захотелось выпить. Зашел в гостиничный бар, накатил виски с содовой, расслабился... и тут как тут она! Блондиночка в коротенькой юбчонке, легонькой блузке, сквозь которую маняще просвечивали соблазнительные прелести. Точеные ножки, томный голосок, мужское одиночество... После пары бокалов вискаря грозный американский коп как козочка на веревочке засеменил за проституткой, предвкушая веселую ночь.

Девушка усадила его в стоявшую у гостиницы машину, что-то сказала водителю по-русски, и они понеслись навстречу приключениям! Которые не заставили себя долго ждать. Когда вышли из машины, красавица пригласила клиента вроде как к себе домой, но на подходе к подъезду на них напали. Барышня тихонечко куда-то испарилась, а Фрэнку пришлось

отбиваться от компании гопников. Кажется, их трое было.

Отмахаться удалось, причем, судя по сбитым кулакам, нападавшим досталось крепко, но и у американца случились боевые потери. К ним, помимо рассечённого лба и нескольких синяков, пострадавший отнес часы и барсетку с деньгами и документами. Слава богу, хоть пластиковую карту он догадался оставить в гостинице.

– Фрэнк, объясни мне, дураку, какого черта ты потащился в город, вместо того чтобы воспользоваться своим номером?

– Шутишь?! Там же Поль спит!

– Так ты здесь с сыном?! – Охренел Щербатов. – И мне не позвонил, не предупредил? Ну ты даешь! Что, не мог у Джудит мой телефон взять?

– Да... как-то... ну... то ли ее не было... то ли... ну, не сообразил... Так что теперь делать?

– Сам-то как думаешь?

– ?

– Процедуру соблюдать, что же еще? Вот бумага, ручка. Пиши: «Начальнику четвертого отделения милиции города Москвы лейтенант-полковнику¹...» Успеваешь?

Бумажная работа закончилась около полуночи. Вконец растерявшийся Пасько, впервые в жизни регистрировавший заявление, написанное на иностранном языке, лишь бормотал себе под нос что-то матерное о понаехавших буржуях и слишком умных начальниках, отвечать за выкрутасы которых приходится бедным дежурным.

Лишь когда Щербатов с Фрэнки уже уходили, он решился задать вопрос:

– Василь Петрович, а чегой-то интурист вас Клодом величает?

– Это давняя, таинственная история, – решил сострить майор. – Когда-то под этим именем я шпионил в далекой Америке. Теперь потерпевший меня опознал и нашей разведке придется менять все пароли и явки!

Если бы он мог знать, чем обернется эта невинная шутка. Через полчаса, дождавшись, когда рядом не будет никого из коллег, Пасько набрал некий номер.

– Отдел по Октябрьскому району, дежурный, – прозвучал в трубке солидный баритон.

Глава 2

– Ну что, друг мой, поехали ловить злодеев? – предложил Щербатов, когда они с Фрэнки подошли к его старой пятерке.

– Хочешь сказать, есть вариант? Ни номера машины, ни лиц нападавших я не запомнил. Девушка? Да, пожалуй, в той гостинице она уже вовек не появится. Чего зря время тратить? Давай лучше выпьем за встречу и успокоимся. Завтра поеду в посольство, там все проблемы решат.

Орел! Накатал заявление, которое уже благополучно зарегистрировано, обеспечил отделению еще один висяк и на голубом глазу выпить предлагает.

– Ну и на хрена ты тогда в полицию поперся? Шел бы себе в гостиницу, прогулялся по ночной Москве. И не дергал занятых людей.

– Клод, но как же... Есть порядок, надо обратиться, иначе как? Все ведь по закону сделано. Разве нет?

И как теперь объяснить, что здесь ему не там? Что уже в понедельник набегит свора проверяющих, желающих доподлинно узнать о результатах расследования, проверить качество написанных документов, которых по объему должно быть не меньше, чем страниц у Достоевского в «Братьях Карамазовых». На худой конец – в «Идиоте». А уж план оперативно-розыскных мероприятий будут исследовать тщатель-

нее, чем Белинский какие-нибудь «Мертвые души».

Избежать этой экзекуции можно лишь успев поймать злодеев и определив их в КПЗ. Не беда, если потом отпустить придется. Главное, чтобы в понедельник они на небо смотрели сквозь крупную клетку. Но не скажешь же об этом законопослушному сыну дяди Сэма, потому:

– Разумеется, все по закону! И как верные его слуги, давай вначале преступников поймаем, а потом уже выпьем. Впереди выходные, успеем и надраться и протрезветь. Во, видишь чудесный аппарат?

Фрэнк с сомнением посмотрел на стоявшую во дворе отделения пошедшую ржавчиной пятерку Щербатова.

– Ты предлагаешь ехать на этом? А оно по дороге не развалится?

– Не бойсь! Трус не играет в хоккей!

– Конечно. Только у тех храбрецов половины зубов нет, да половина костей переломана. Но если ты уверен...

– Еще как уверен! Вперед! – воскликнул Щербатов, весело, с пробуксовкой трогаясь с места.

И автоматически отметил, как сзади подозрительно лихо стартовал слишком невзрачный жигуленок. Ну-ка ну-ка...

– Кстати, дружище, не желаешь посмотреть на ночную Москву? Обрати внимание, справа... – Они неспешно поехали по центральным улицам, притормаживая около памятников и старинных церквей, полюбовались видом Замоскворечья с Каменного моста, собором Василия Блаженного, объ-

ехали Кремль. Когда припарковались среди шикарных иномарок около гостиницы «Интурист», Щербатов уже знал – за ними работает наружка. Причем, гэбэшная – есть у их машин отличия, заметные профессионалам.

Когда вышли из машины, сказал приятелю, чтобы шел в бар, пообещав скоро присоединиться, только вот руки поможет.

А сам, убедившись, что американец действительно ушел, направился к «тайному эскорту». Надеялся на помощь? Черта с два! Взвыв двигателем, их жигуленок рванул с места, практически сразу уйдя в точку на идеально прямой улице Горького. Точнее, с недавних пор Тверской. М-да, меняются времена, страны и названия улиц, а наружка как была бесплотной тенью, так и осталась. Хорошо, хоть номер успел запомнить – авось пригодится.

* * *

В те далекие времена ныне напрочь снесенная гостиница «Интурист», на месте которой зазывно распахнул двери отель «Ритц-Карлтон», в числе прочих, считавшихся крутыми, находилась под пристальным вниманием спецслужб. «Космос», «Националь», «Белград»... В каждой из них один из номеров предоставлялся в полное распоряжение милиции. Круглые сутки находились там сотрудники, основной задачей которых было обеспечение безопасного отдыха

уважаемых, многоуважаемых, бесконечно уважаемых иностранных гостей. Соответственно, все шлюхи, работавшие внутри гостиниц, были известны и... не то чтобы допущены, но в общем негласно одобрены.

Это на ступенях у входа стояла чуть ли не толпа рвущихся к ударному труду работниц сферы специфических услуг. Но внутри – извините, здесь и расценки, и качество, и надежность подруг были на совсем другом уровне.

Поэтому, разорившись на бутылку хорошего виски для коллег, Щербатов уже через полчаса, познакомился и даже опрокинул по стакану благородного напитка со старлеем Серегой. После чего в качестве ответного презента получил в руки тетрадный листок с адресом проживания в Москве гражданки независимой Украины Олеси Кравец из славного города Житомира. Ну как разорился? Содрал с потерпевшего под предлогом необходимости расходов на сыск.

Фрэнк ничего не понял, но поверил приятелю на слово, что в России не подмажешь – не поедешь. И, хотя виски на масло походит не слишком, все же согласился профинансировать оперативное мероприятие.

А потом Щербатов и Фрэнк пошли в бар, где с удовольствием выпили и за встречу, и за былые авантюры.

– Клод, я не понимаю, как после крутых американских приключений ты оказался в этом... даже не знаю, как сказать. У нас сортиры лучше выглядят, – Слегка осоловевший американец удивленно развел ладони.

– Бывает, – равнодушно пожал плечами мент. – Жизнь такая – страна развалилась, народ без работы сидит. Как думаешь, сколько у нас такой же как ты детектив получает? Полсотни долларов. В месяц. Так что мне и жаловаться грех, мне только за интервью Джудит ого-го сколько отвалили! Кстати, ты ее давно видел?

– А... да... давно... она ж теперь звезда, с ней ого-го какие люди общаются... И вообще, поздно уже, а у меня там Поль один, пойду я, пора мне...

Ну прямо заботливый папаша. Только когда к проститутке отправлялся, о сыне не вспоминал. Бывает, само собой, чай мужик холостой, имеет право. Но, раз уж заяву наката, будь любезен, не отлынивать.

– Куда собрался? А опознавать преступников и вещи кто будет?

– К-как? Ты их нашел? Когда в туалет ходил?

– Разумеется. Здесь Россия, у нас туалеты – они такие, именно для этого и предназначенные! Так что сейчас еще кое-куда заедем, и все, можно брать подозреваемых.

– Кое-куда – это куда? – Фрэнки выглядел совсем сбитым с толку. – Еще в один туалет? Или за решетку? После выпитого за руль садиться нельзя!

– Почему? – искренне удивился Щербатов. – Кто меня остановит? Полиция? Своего? Не смеши, поехали!

Возле гостиницы ночная жизнь была ключом. Стая девиц, призывно расположившаяся на ступенях, вовсе не была со-

бранием независимых индивидуалок. Каждая вносила добровольные пожертвования в фонд группы здоровья, представители которой зорко следили, чтобы ни один доллар, заработанный красавицами, не остался без их внимания. Для этого некий невзрачный парнишка, скромно стоящий в сторонке от этого праздника жизни, скрупулезно фиксировал: кто из девиц, когда и на какой машине уехал с «точки» к своему месту производства работ.

Водилы, кстати, тоже были лишь свои, согласившиеся отстегивать часть доходов. Попытка любого другого взять пассажира у «Интуриста» пресекалась мгновенно и жестко, в лучшем случае – кирпичом в лобовое стекло.

Крутые братки, держащие порядок у входа в гостиницу, чувствовали себя вольготно, поскольку давно и прочно договорились с районными ментами. Как? Да кто ж это знает? Договоренности – дело тихое, можно сказать, интимное.

Но ситуацию на «точке» милиция все же контролировала, а в местном отделении работал Пашка, еще пару лет назад служивший в министерстве опером. В непосредственном подчинении у Щербатова. Открыв среди ночи домашнюю дверь бывшему начальнику, он лишь кивнул и пригласил гостей на кухню.

Пока кипел чайник и резались бутерброды, Пашка с кем-то созвонился, поругался в матери, но получил-таки заветный номер машины, увезший мистера Кассиди навстречу приключениям.

Машина принадлежала некоему господину Иванову В.С., проживавшему, кстати, в районе Верхней Михайловки, как раз там, где и произошло нападение на американца. Интересный нюанс – соседнюю квартиру снимала госпожа Олеся Кравец. Как говорится, суду все ясно. Дальнейшее – дело техники.

Господин Иванов высказал резкий протест, когда далеко за полночь милиция, не заморачиваясь формальностями, просто вскрыла гвоздодером дверь и вытащила его и госпожу Кравец из теплой кровати. Попытки джентльмена апеллировать к закону и правам человека были пресечены демонстрацией увесистого кулака, а слезные заверения Олеси, что она «девушка честная и пуще жизни дорожит доверием клиентов» – обещанием завтра же отправить на родину и навсегда закрыть доступ к московским центрам эротического бизнеса.

Дальнейшие переговоры прошли уже в конструктивном ключе. Иванов и Кравец согласились стать свидетелями и абсолютно добровольно, если не считать пары подзатыльников, собственноручно написали объяснения. Из них следовало, что разбойное нападение на иностранного гражданина совершили три человека, среди которых удалось опознать «Витальку Длинного» и «Серого с пятки», бывших одноклассников господина Иванова, живущих в соседнем доме и, по слухам, не просыхающих уже неделю.

Таким образом, преступление, изначально сулившее

крупные неприятности руководству четвертого отделения милиции, оказалось раскрыто за одну ночь. Когда на рассвете в загаженную квартиру, где вповалку дрых десятков немых особей обоего пола, вошли хмурые, невыспавшиеся милиционеры, их встретил дружный храп и густая вонь перегара. Все похищенное имелось в наличии, а об оказании сопротивления злодеи не могли и думать. Куда там, с такого-то бодуна.

– Клод, ты гений сыска! Это я тебе говорю. Предлагаю сегодня же обмыть это приключение!

– Легко, но позже, когда выспимся. Давай, дружище, отдыхай, Полю привет. – Щербатов высадил американца у гостиницы и поехал домой. Ради интереса проверился – хвоста за ним, вроде бы, не было.

Глава 3

В понедельник Щербатов пришел на работу в прекрасном настроении. За выходные он успел свозить Фрэнки с сыном в Загорск, провел экскурсию по Кремлю и даже умудрился провести их в Оружейную палату. Не сказать, что это особо впечатлило Фрэнка, он вообще был какой-то угрюмый, словно в Россию вовсе и не отдыхать приехал.

Зато Поль был в полном восторге. Оказывается, у этой темной и бездарной азиатской страны, о которой на родине рассказывали столько ужасов, нашлось, чем пленить воображение мальчишки. Древняя история, великие битвы, покорение диких земель! И все это здесь, рядом, лишь протяни руку, лишь сделай шаг по мостовой, сохранившейся с незапамятных времен. Огорчило парня одно – медведей, гуляющих по московским улицам, он так и не увидел.

Но и здесь Щербатов его успокоил, сказав, что через неделю идет в отпуск и готов на пару дней отвезти гостей в родной город с непроизносимым названием Селижарово, где медведи тоже по городу не ходят, но в окрестных лесах живут припеваючи. В смысле – рычат в свое удовольствие. В общем, тамошние места, глухие, как сибирская тайга, обеспечат американцам незабываемые воспоминания на всю жизнь.

Единственно, осталось непонятным, почему за те две

недели, что господа Кассиди уже прожили в Москве, города они так и не увидели. Однако спрашивать об этом Щербатов не решился, неудобно как-то показалось.

Но это все было в выходные, а сейчас служебные проблемы обрушились на мента могучим потоком, Ниагарским водопадом, не меньше.

Кто-то из подчиненных просрочил проверку заявления о карманной краже, которую все равно никогда не раскрыть, но бумагами-то обложиться необходимо. Вроде как бежали опера в мыле, искали злодея во всех возможных и невозможных местах. Пока не получилось, но они не остановятся и найдут! Обязательно. Может быть. Если повезет. Когда рак на горе свистнет.

В очередной раз порадовал Востряков. В то самое время, пока Щербатов ловил напавших на Фрэнка алкашей, молодой опер выехал на бытовую мокруху. Обычное дело – пьяный в лоскуты муж, устав от упреков жены, успокоил благоверную молотком по голове, после чего сам же вызвал милицию. Ничего нового, всю работу сделал районный следак с дежурным медэкспертом. Бравому сыщику поручили лишь найти понятых. Он и пригласил соседа и его беременную жену.

Все бы ничего, но, когда судмедэксперт перевернул лежащий в луже крови труп, чтобы, как положено, ректально замерить температуру, женщина впечатлилась настолько, что не стала ждать окончания осмотра, а начала рожать прямо на

месте преступления. Слава богу, все обошлось, но прокуратура поставила под вопрос правомерность замены понятой по ходу следственного мероприятия.

Теперь разруливать ситуацию предстояло начальнику следствия и Щербатову. А такие проблемы без пол-литры не решаются. Это если образно, а так-то одной бутылкой дело точно не обойдется.

Ближе к обеду зазвонил телефон.

– Щербатов Василий Петрович? Здравствуйте, вас беспокоят из Октябрьского райотдела Министерства безопасности, меня зовут Владимир Евгеньевич. Вы могли бы подъехать к нам сегодня к шестнадцати часам? Знаете, где мы находимся? Отлично, тогда жду вас.

Ну вот, мало было забот, теперь еще и к этим тащиться. И какого лешего им надо? Хотя... ну да, им же выдачу загранпаспорта надо согласовывать. Что же, придется съездить, заодно и в РУВД заглянуть можно, благо, это рядом.

За год службы в отделении Щербатову ни разу не пришлось сталкиваться с этими ребятами. Вроде бы и на одной земле работают, но задачи разные, нет общих тем для разговоров. Точнее, не было до сегодняшнего дня. Но раз приглашают, надо ехать.

Неброское двухэтажное здание, подъезд без вывески, что называется «вход для своих». Молодой сотрудник в штатском проверил удостоверение и позвонил по телефону. Буквально через минуту ко входу по лестнице спустился худо-

щавый мужчина лет сорока. Голубая рубашка, галстук в тон, серые, идеально отглаженные брюки, до блеска начищенные черные ботинки – он выглядел идеальным клерком, если бы не взгляд. Недобрый, колючий, словно человек смотрит не на собеседника, а сквозь него, как сквозь некстати поставленное стекло.

– Василий Петрович? Здравствуйте. – Мужчина протянул руку. – Прошу, пройдемте со мной.

Поднялись в кабинет. Обычный кабинет обычного опера – дешевая краска стен, дешевая мебель, типичный облупленный сейф.

– Садитесь, – мужчина указал на стул.

– У нас принято говорить «присаживайтесь», – автоматически поправил его Щербатов. – Согласитесь, здесь есть разница.

– Не вижу, – ровным голосом ответил хозяин кабинета, ни намеком не отреагировав на старую ментовскую шутку. То ли не понял, то ли не оценил.

– Меня зовут Владимир Евгеньевич, – продолжил гэбэшник. – Мне поручено рассмотреть вопрос о выдаче вам загранпаспорта. Я так понимаю, что собираетесь в Швейцарию съездить?

– Конечно.

Действительно, о том, что именно в этой стране проживает жена с дочкой, во всех анкетах написано.

– Не смущает, что вы секретоноситель? Да еще со второй

формой допуска?

– Помилуйте, Владимир Евгеньевич, я ж в отделении милиции работаю, на земле. Ну какие у нас госсекреты? Кто из местных обормотов подписку написал? Это что, всерьез хоть одну разведку заинтересовать может?

– Ну да, ну да, разумеется, – словно задумавшись, продолжил собеседник. – Но вот вопрос – что вы делали два года назад в Соединенных Штатах Америки?

– Находился в служебной командировке. Все было согласовано в надлежащем порядке, в том числе и с вашей организацией.

– Командировка вам оформлялась на две недели, а фактически вы находились там больше двух месяцев. Как вы можете это объяснить? – Вопросы задавались ровным, совершенно безэмоциональным голосом, словно и не человек спрашивал, а робот, действующий по какой-то своей, только ему известной программе.

– Продление было вызвано чрезвычайными обстоятельствами и также согласовано с моим руководством.

– Кем согласовано? С каким руководством?

– Это мне не известно, о продлении сообщили в консульстве СССР в Нью-Йорке. Поскольку в этой части не было претензий со стороны наших и американских властей, а также руководства МВД, у меня и не имелось оснований сомневаться в законности своего пребывания в Штатах. Кроме этого, при составлении отчета о командировке к документам

был приобщен соответствующий приказ замминистра, только я не помню, какой именно, мне это было не интересно. Но такой приказ был, вам не составит труда получить копию.

Вот словно что-то щелкнуло в голове у Щербатова, как будто сторожок какой сработал – не захотел он говорить о своей работе с разведкой. И то сказать, раньше-то в стране разведка и контрразведка в один комитет входили, госбезопасности который. А теперь ведомства разные и какие меж ними интриги закручиваются – простым ментам знать не дано. Но то, что есть такие, это к гадалке не ходи.

– Не учите нас работать, Василий Петрович, – собеседник совершенно не изменил свой тон. – Естественно, мы запрос направили. Извольте ознакомиться с ответом.

Он протянул бумагу с грифом «Секретно».

На официальном бланке Управления кадров Министерства за подписью его замначальника было написано: «Материалами по интересующему Вас вопросу не располагаем. По факту утраты назначена служебная проверка, о результатах которой Вы будете проинформированы дополнительно». Приплыли. Теперь что, пока не разберутся и загранпаспорт не выдадут?

– И что теперь? – Щербатов от удивления даже по-детски заскреб в затылке. Фигасе! Чтобы что-то в кадрах пропало, такого даже в ментовских байках никогда не звучало. – Но ведь должны остаться следы у финансистов – мне же командировочные за весь срок выплатили. Да и в личном деле...

– А они и остались. – Тут чекист впервые позволил себе улыбнуться. – Но вот то, что ваш отчет из кадров министерства пропал... Согласитесь, ведь ой как интересно.

Интересно ему, только что не скрипнув зубами подумал Щербатов. – Ну да, сейчас если начать рассказывать о той эпопее, так неизвестно чем дело кончится. Точнее, известно, что ничем хорошим.

Какой гэбэшник в здравом уме поверит, что, находясь в официальной командировке, офицер советской милиции умудрился почти месяц прожить в Америке на нелегальном положении по документам на имя гражданина Бразилии, полученным от советской разведки? Потом с ведома той разведки установил конспиративный контакт с ФБР, носился по Штатам как Джеймс Бонд и закончил эпопею пристрелив главного злодея на просторах Техаса. После чего дал интервью на главном телеканале и отбыл на родину с гордо поднятой головой.

Звучит как бред сумасшедшего. Если не знать подробностей, о которых тоже так запросто не расскажешь.

Что же делать... что делать-то... Если только... Черт, давно не виделись... но сам виноват – лень было позвонить мужикам, с днем чекиста поздравить. Они, ясен пень, не знали даже, в какой город звонить, но уж сам-то мог номер набрать. Если еще не сменился тот номер.

– Вообще-то всю ту операцию в МВД курировал генерал Валько. Он же из ваших, наверняка сейчас большой человек

в вашем министерстве.

Владимир Евгеньевич озадаченно погладил подбородок.

– Валько, говоришь, – вероятно, от растерянности он перешел на «ты», – да, генералы – да, они маленькими не бывают. Независимо от роста. Проверим, конечно, но если все так, то дальше я не полезу. Думаю, до конца недели получишь свой паспорт. Счастливой поездки! – Собеседник встал, протянул руку и вновь улыбнулся. А хорошая у него улыбка, располагающая. Сразу виден агентурист.

Выйдя из здания райотдела, Щербатов первым делом достал записную книжку. Старую, потертую, в ней еще сохранился телефон ЗАГСа, в котором с Алкой расписывались.

Пролистал. Не то... не то... а, вот! Из ближайшего автомата набрал номер. 224-...

– Алло! Гену, пожалуйста. – Чай операм звонит, можно и без отчества. – Алло, дружище, это Щербатов. Да, сколько лет, сколько зим. Как насчет повидаться? Отлично, в полседьмого у сорокового², до встречи.

* * *

Тем временем Владимир Евгеньевич достал справку своего коллеги.

«Доверенный «ПНМ» из числа сотрудников 4-го отделения милиции сообщил, что заместитель начальника данного отделения Щербатов В.П. в присутствии многих со-

трудников отделения признался, что находится в дружеских отношениях с высокопоставленным сотрудником американской полиции Ф. Кассиди. Познакомился с ним в 1991 году, когда выполнял какое-то разведывательное задание на территории США».

Чушь полная, но ведь что-то этот мент в Америке два месяца делал и с этим Ф. Кассиди наверняка знаком. Во всяком случае, со слов капитана милиции Пасько Николая Михайловича, разговаривали они вполне дружески и ушли чуть ли не в обнимку. Присутствие в этом деле генерала Валько могло бы еще больше запутать ситуацию, если бы не служил его помощником однокашник по минским курсам. Рука сама потянулась к аппарату оперативной связи.

– Саня, привет. Узнал? Слушай, тут такое дело... вопрос надо один прояснить.

Вечером чекистский и ментовской опера сидели в служебном кабинете в двухэтажном здании на Кузнецком Мосту. Бутылка водки, две чайные кружки и разложенные на газете куски хлеба, дешевой колбасы и сыра.

Они познакомились летом девяносто первого, когда Гена, как бывший диверсант, помог раскрыть два убийства, совершенные его бывшим коллегой. Тоже когда-то бойцом легендарного «Вымпела».

– Гена, я одного не пойму. Ладно, у нас отродясь в кабинетах бухали, но для вашей конторы это дело совсем не характерно. Что изменилось-то?

– Многое, Вася, слишком многое. Например, раньше я мог себе позволить ресторан хоть и не часто, но вполне регулярно. А сейчас у нас в столовой народ обедает лишь два дня после получки. Хочешь, на экскурсию свожу? Как в дурном кино – повара есть, еда есть, а народу – пусто. А ты спрашиваешь... Пойдешь на экскурсию? Нет? Тогда рассказывай, как сам. Но сначала – за встречу.

Выпив и закусив, Щербатов начал рассказывать. Как уехала в Швейцарию и родила дочку жена. Их фотографиями дома заставлен рабочий стол, но увидеть надеется только в этом году. Как в далекой Америке родился сын, увидеть которого теперь неизвестно когда получится, да и получится ли вообще.

Как год тянул лямку в дальней дыре Калининской, а с недавних пор Тверской губернии, пока старый приятель, возглавивший милицию Октябрьского района столицы, не подыскал ему место в Москве.

Впрочем, поездка к жене может накрыться медным тазом, если тот гэбэшный опер упрется. А он может, поскольку вдруг заинтересовался его, Щербатова, американскими похождениями.

Правда, о встрече с Фрэнком Кассиди Щербатов не рассказал. И вовсе не из вредности. Просто не посчитал важным.

К концу рассказа одна пол-литра уже отправилась под стол, и ее место заняла вторая, тоже не рассчитывавшая дол-

го оставаться полной. После того, как опера приступили к ее оприходованию, Гена начал анализировать ситуацию.

– Стало быть, про старого друга ты вспомнил только когда самого к реке прижали. Нехорошо... – Гена поднял ладонь, пресекая робкую попытку Щербатова оправдаться. – Впрочем, зачем еще нужны друзья, если не для вытаскивания из задниц разного калибра? Ладно, давай так: сейчас посмотрим, куда кривая повернет. Но если вдруг не туда – не бойсь, попрошусь на прием к генералу по старой памяти, пусть напряжет свои связи. Ну, продолжим наше дело? Наливай!

Когда ближе к десяти Щербатов нетвердой уже походкой вышел в темень Кузнецкого Моста, Гена снял трубку служебного телефона.

– Саня, привет, соедини с шефом.

И через десяток секунд:

– Виктор Николаевич, здравствуйте. Остохин говорит. Знаете, кто от меня только что ушел? Щербатов, помните? Точно! Он опять в Москве работает. Нет, не в министерстве, в каком-то отделении милиции, но это ж «Одиссей», так что для реализации наших планов создается вполне интересная ситуация. Прошу разрешения завтра обсудить варианты. Нет, сейчас нежелательно – мы ж не на сухую сидели, а он, сами знаете, лось здоровый. Есть, завтра! И, если можно, не с самого утра.

Глава 4

В свою холостяцкую квартиру Щербатов вошел с единственным желанием – все на фиг, только спать! Комком бросил пиджак на стул, брюки на пол и завалился на кровать. Господи, хорошо-то как. Было. Пока в квартиру не позвонили.

Первая мысль, мирная, – кто-то ошибся дверью. Но настоячивые звонки повернули настроение в агрессивное русло. Еще бы, менту на его же земле какая-то сволочь в час ночи спать не дает! Ну, погоди.

Подошел к двери, не включая света посмотрел в глазок... твою ж мать, да коромыслом, да через колено! Востряков, сволочь. Боже, за что мне этот крест!

Старший лейтенант Востряков, видимо, устав звонить, приступил к более активным действиям, забарабанив могучим кулачищем.

– Откройте, милиция! Или дверь сломаю!

Испугавшись за сохранность этой самой двери, Щербатов открыл замок... и словно ураганом был снесен, смят, прижат к стенке. И в довершение кошмара в лоб ему уперся пистолет.

– Стоять, не двигаться, милиция! Сколько человек в квартире?

Тем временем в эту самую квартиру вошел молоденький

лейтенант с грозным лицом и автоматом наперевес. Пришлось сдержать благородное негодование.

– Коля, дорогой, будь любезен, убери пушку и поверни выключатель. Он справа. Вот, молодец. Ну что, с какого перепоя ты на своего начальника набросился?

– Василь Петрович, вы? А я вот, меня вот тут послали, сказали, что срочно свидетеля надо доставить...

– Коля, – Щербатов с трудом сдержал многоэтажную конструкцию, уже готовую сорваться с языка, – ты всем свидетелям пистолет ко лбу приставляешь? И в квартиры врываешься, как обкуренный ОМОН? Ты, дубина, где работаешь, в милиции или в банде? Ты о соц... черт, о законности вообще слышал чего в своей жизни? И какого хрена спать не даешь, дятел отмороженный!

Спутник незадачливого опера слушал эту тираду с возрастающим интересом, но оружие, слава богу, поставил на предохранитель.

– Так, а вы кто такой? – переключился на него Щербатов. – Что, представляться не учили?

– Коль, а это что за алкаш борзый?

Вопрос, что характерно, был задан Вострякову. Хозяина квартиры вошедший игнорировал от слова «совсем».

– Э-э... это мой начальник, майор Щербатов. – До незадачливого опера, наконец, дошла некая неправильность в ситуации. – Здравствуйте, а что вы тут делаете?

Очень интересно. Хотя... работает человек недавно, от-

куда ж ему знать?

– Живу я здесь, Коля. А вот какого рожна ты без приглашения посреди ночи в гости приперся, пистолетиком размахивал и кого с собой привел, вот это будь любезен объяснить.

Сказано было с улыбкой, но сквозь зубы и таким тоном, что с мечтой о веселой встрече Нового года бедняга распрощался сразу. Отныне вопрос о дежурном по отделению на этот праздник не стоял. Но отвечать-то надо.

– Это наш коллега из Центрального округа. Тут такое дело – у них на земле вроде как иностранца завалили.

– Та-ак. И при чем здесь ты?

– Я ж говорю, сегодня Леха Петров должен дежурить. Ну он и попросил поменяться, там у него дома что-то. А мне что, жалко, что ли?

– Та-ак, – Щербатов едва не зарычал на балбеса. – Дальше, пожалуйста.

– Ну... – Востряков вконец растерялся, но все же закончил, – так у трупа нашли бумажку с московским телефоном. Вашим, получается, телефоном, Василий Петрович. Так коллега, – он указал на спутника, все еще стоявшего в дверях с гордым видом супермена, – к нам на установку приехал.

Бедный МУР, подумал Щербатов. Прислать на установку сопляка в форме и с автоматом! Куда катится сыск.

– Ну и мне приказали помочь, типа по горячим следам, с самой Петровки звонок был. А какая сейчас установка? Ну мы и решили на месте определиться. Только я ж не знал, что

это вы, там, в записке, какой-то Клод значился.

Приплыли. Хмель не то чтобы совсем рукой сняло, но уменьшило знатно. Щербатов уселся на стоявший рядом табурет и смотрел на все еще стоявших гостей снизу вверх.

– Документы при нем были?

– Понятия не имею, это ж даже не на нашей земле. Ну, знаю, что иностранец... ограбление, ясен пень – ни часов, ни денег. Но это-ж иностранец, так что все на уши встали.

– Когда убили?

– Часа полтора назад.

– Где тело?

– Да откуда ж... Где тело? – это уже Востряков спросил у коллеги.

Тот пожал плечами.

– Когда уезжал, было на месте. Сейчас может уже и в морг увезли, – снизошел-таки до ответа орел. Но не отказал себе в удовольствии демонстративно помахать ладонью перед носом. Мол, не выносит запаха перегара.

– Так, машина есть? Отлично. Поехали на место. Да пошевеливайтесь вы, черт бы вас побрал!

* * *

Раздолбанный милицейский УАЗик остановился прямо в луже. На Петровке, неподалеку от Столешникова переулка.

– Сюда, – лейтенант указал на подворотню. Впрочем, мог

бы и не показывать – три милицейские машины, скорая и пара черных «Волг» служили отличным ориентиром.

Суетились какие-то люди, четверо в форме бдили, отсекая поздних прохожих, чтобы не мешали великому делу сыска. Все знакомо и привычно, даже рутинно. Только в этот раз сердце... не то чтобы болит. Тесно ему, рвется вылететь из груди. Так рвется, что, кажется, выпусти его, и сразу жить станет легче.

Впрочем, есть еще надежда, что убили не Фрэнка. Слабая, почти призрачная, но есть. Ведь труп пока не опознан.

Так, вон в сторонке стоят солидные мужчины в костюмах. Начальство, к гадалке не ходи. Вот к ним-то и надо. Подошел, постарался встать ровно. Представился.

Солидные мужчины скривились от могучего запаха перегара, но снизили. По крайней мере один из них.

– Полковник Галганов, замначальника Центрального УВД. Что вы делаете здесь, да еще в таком виде?

Словно не может человек вечером выпить. Еще бы добавил, что сам трезвенник.

– Ко мне на дом приехал наряд, объяснили, что у убитого нашли записку с московским телефонным номером. Моим номером, товарищ полковник.

– Очень интересно, майор. У убитого при себе вообще никаких документов не было, видимо, грабитель забрал. Только по одежде поняли, что иностранец. Ну что ж, пошли опознавать, только смотри, не навERNись с бодуна.

Подколку начальства Щербатов проигнорировал – не до нее. Так, вон тело... тело. На мокром после недавней грозы асфальте, в тусклом свете редких освещенных окон, из которых выглядывают любопытные жильцы. Черное, напрочь затянутое облаками небо и резкий запах озона.

Человек... нет, труп лежит лицом вниз. Но и так все ясно – в глаза бросилась малахитовая запонка на правой манжете белой рубашки, та самая, которую видел в прошлый раз.

– Переверните, – скомандовал Галганов.

Точно. Увы. Не к месту мелькнула мысль – где же ты, приятель, потерял вторую запонку?

– Гражданин США Фрэнк Кассиди, проживает в гостинице «Интурист».

Сказал скрипя зубами от бессильной злости, на автомате, потому что положено. Он и дальше делал то, что положено. Надиктовал протокол опознания, подписал. Только ехать на Петровку для дачи объяснений отказался.

– Господин полковник, а как с его сыном быть. Он в Россию с сыном приехал, двенадцать лет парню.

И тут пришла очередь скрипеть зубами полковнику. Ясно, что надо информировать консульство, но не самому же, для этого целая процедура прописана. А какие, к черту, процедуры среди ночи?

Опять же мальчишка в гостинице, без отца. Ну не в милицейские же казематы его везти!

– Ладно, майор, завязывай с господами. Лучше скажи, он,

то есть сын, в Москве хоть кого-нибудь знает?

– Меня знает, товарищ полковник. Разрешите, я сейчас к нему. А утром уж...

Глава 5

Тот же скрипучий УАЗик привез Щербатова к «Интуристу». Ксива и поставленная местным ментам пять дней назад бутылка вискаря настезь распахнули двери этой элитной гостиницы. Старлей Серега, в отличном костюме, дорогом галстуке и яростно надраенных туфлях, лично проводил до двери.

– Ты, в общем, это, звони, если что.

Спасибо за помощь, приятель. Осталось всего ничего – сообщить двенадцатилетнему мальчишке, что отныне он сирота. И хоть как-то помочь пережить эту новость.

Мать мальчика убили хулиганы, когда тот еще из коляски не вылезал.

Теперь мертв отец. Есть ли у него вообще родственники на этой земле?

Вот и дверь номера. Стучим.

– Дядя Бэзил? Здравствуйте. А папа еще не пришел.

Заспанные глаза, мятая пижама. Удивленный взгляд.

– Войти можно?

Поль распахнул дверь и отошел в сторону.

– Беда, парень. – Щербатов положил ему руки на плечи. – Держись. Твой папа мертв.

И ничего не произошло. Поль спокойно кивнул, подошел к холодильнику, достал бутылку минералки, сел на кровать,

налил стакан воды, медленно выпил.

– Отчего?

– Убит. Выстрел в спину. Больше пока ничего не знаю.

И тут мальчик заплакал. Без криков и стонов, молча. Из глаз потекли слезы, а сил их вытереть не было. Или было уже все равно.

Щербатов сел рядом, обнял парня за плечи. Так они и сидели, пока не прекратились всхлипы и спасительный сон не сморил Поля.

Василий уложил его в постель, накрыл одеялом, а сам сел в стоявшее рядом кресло. И вспоминал. Как познакомились, как гуляли по тенистым улицам далекого Кранбери. Фрэнки с сыном, Джудит с дочкой и он, представлявший тогда двоюродным дядей мисс Джудит Кэмпбелл с непроизносимым бразильским именем, которое все сокращали до простого «Клод».

* * *

В номер постучали ночью, около пяти часов.

– Кто там?

– Откройте, милиция.

Какая к черту милиция? Галганов же сказал, что раньше десяти никто не приедет. Просто потому, что с консульством связаться не успеют.

– Представьтесь, – сказал почти шепотом, стараясь не раз-

будить пацана.

За дверью заметно занервничали.

– Откройте немедленно, или сломаем дверь! У нас ордер на обыск!

А зачем ее ломать, если запасной ключ есть у администрации?

– Секундочку, я только штаны надену, – все так же, приглушенным голосом.

А сам к телефону, звонить в гостиничную комнату милиции.

– Привет, это Щербатов. В номер кто-то рвется, говорят, что из милиции. Серый, зуб даю, они такие же менты, как мы с тобой балерины, выручай!^{2а}

И тут-же к незванным гостям, вроде как спросонья и растерянно:

– Секундочку. Где же эти штаны, черт бы их побрал. А, вот, сейчас-сейчас.

Услышали? Видимо. Во всяком случае, из-за двери раздались удаляющиеся шаги. А когда буквально через минуту в номер ввалился запыхавшийся Сергей, оставалось лишь поблагодарить его за расторопность и извиниться – непонятных якобы коллег уже и след простыл.

Ну и хрен с ними, главное – что Поль спит.

Вновь в дверь постучали ровно в десять утра.

У двери стоял откровенно невыспавшийся полковник

Галганов в форме и трое в штатском.

– Щербатов? – тихо, почти шёпотом спросил один из них. – Где мальчик?

– Спит, – также тихо ответил майор.

– Это американский вице-консул, мистер Уоллес, – Галганов представил обратившегося. – Мальчик должен поехать с ним.

– Рад знакомству, мистер Щербатов, – на чистейшем русском языке сказал американец. – Пока он проживет у нас в семье. Вот мой домашний телефон, – он написал номер на обратной стороне визитки. – Звоните, думаю, ему приятно будет вас увидеть.

Когда американцы уходили, Поль посмотрел на Щербатова с такой надеждой, словно верил, что именно этот русский коп способен совершить чудо и вернуть папу с той стороны.

Затем был изматывающе долгий допрос, который начал следователь районной прокуратуры, а закончил гэбэшный, причем из центрального аппарата. Это когда выяснилось, что два года назад милицейский майор работал в Штатах по плану, разработанному в стенах тогда еще Комитета госбезопасности. Исчезнувшего уже СССР.

Без лишних подробностей Щербатов сообщил, что познакомился с американским полицейским из маленького городишка Кранбери, как вместе проводили выходные, жарили шашлыки. А о подробностях своего участия в совместной

операции ФБР и советской разведки промолчал – если кому-то это интересно, пусть соответствующие ведомства и запрашивает. Прежде всего американское, ага. Закончил рассказом о ночном визите неизвестных лиц, представившихся ментами, а козырявших неизвестным российскому праву ордером.

В заключение охренел от слов следователя, проговорившегося, что потерпевшего заподозрили в наркомании после того, как экспертиза нашла в крови барбитураты и высокий уровень кофеина. Об убойном действии таблеток именно в таком сочетании Щербатову слышать уже приходилось.

Потом все мысли заняла работа. Как раз опера нарыли материалы на группу подростков, наловчившихся грабить по ночам подвыпивших прохожих. Два шкета отвлекая внимание просили у закурить, потом налетали ребята постарше. Без затей били монтировкой по затылкам, добивали ногами и очищали карманы.

Пятеро жертв лежали в больнице, один перекочевал в морг.

Сегодня молодые люди собрались на очередную охоту. Надо брать.

Но предварительно – подготовиться. Чтобы следователи были на месте, чтобы знать, где расположиться группе захвата, чтобы не разбежались эти юные Робин Гуды.

И адвокаты, куда ж теперь без них. Они тоже должны быть

поблизости.

В роли жертвы выступил сам Щербатов. Нетвердой походкой прошел по темной улице на Верхней Михайловке, отвесил несильные подзатыльники мелкой шантрапе, потребовавшей закурить и едва увернулся от страшного удара арматуриной по затылку.

Ответил резко, безжалостно, словно с ударом вышвырнул из себя и смерть Фрэнка, и слезы Поля.

Потом, в тюремной больнице, этот хунвейбин, едва вороная сломанной челюстью, что-то ныл про ментовской беспредел, пытался доказать следователю, что даже не пытался никого обижать, мол, поклеп на него мерзкие мусора возводят.

Не помогло. Свои кореша сдали. Да и на обысках нашли снятые с жертв часы да куртки.

Кстати, Востряков – молодцом, отличился. Обезоружил бросившегося на него с огромным, словно у Рэмбо, ножом здоровенного детинушку шестнадцати полных лент. Да еще и нож изъял так, что все отпечатки пальчиков бандита сохранил.

Вошедший уже в полный возраст уголовной ответственности, тот запел соловьем, стремясь сократить корячащийся ему немаленький срок.

Закончили все далеко за полночь. И лишь придя домой, выжатый как лимон, Щербатов набрал знакомый номер.

– Алло.

– Джудит, здравствуй.

– Бэзил? Рада тебя слышать! Как дела? Когда приедешь с Клодом знакомиться? – Радостный голос, прекрасная связь. Словно говорит из соседней квартиры, только сделай пару шагов... Не тот случай.

– Извини, но об этом не сейчас. Тут беда случилась. Ты знаешь, что Фрэнки в Москве?

– Ну... да.

– Убили его сегодня. Застрелили.

– Вот как? За что же?

– Не знаю. Знаю только, что в Москве сейчас Поль. Он пока в консульстве, но и там не представляют, что делать дальше. У него хоть какие-то родственники есть?

Станный это был разговор. Джудит с Фрэнки мало что соседи, так еще и одноклассники. Теперь вот дети в одном классе учатся. Но ни жалости, ни плача бабьего. Ничего. Словно речь шла об автомобильной аварии – подумаешь, машина поцарапалась. Помогать надо и будем, но трагедия-то в чем?

Впрочем, у делового подхода есть и преимущество. Четко, словно сверяясь с инструкцией о порядке действий именно в такой ситуации, Джудит выяснила телефон гостиницы, где жил Фрэнк, телефон сотрудника консульства, взявшего на себя заботы о его сыне. И в конце стандартное:

– Пока, будешь в Америке – позвони.

Что же, по крайней мере, отправку мальчика домой мисс

Кэмпбелл организует. С ее-то пробивной силищей – непременно и в лучшем виде. А нам спать. Хоть несколько часов до работы.

Глава 6

На следующий день привычно навалилась текучка. Расписать почту, выслушать доклады подчиненных. И провести разбор вчерашней операции, хоть ее результаты и греют тонкую оперскую душу.

Да, злодеи задержаны, с часу на час им предъявят обвинения, а дальше работа следака, сыщикам отныне останется только его поручения отрабатывать. Но идеального ничего не бывает, вот и здесь были косяки, которые мудрый руководитель должен отметить, и за которые должен сделать рабочий втык. Чтобы впредь не повторялись.

А то действительно, один прятался в подъезде, из которого «скрытно» выглядывал. Ночью, даже не подумав выключить свет. Другой, благо что догадался спрятаться за помойкой, надел на захват куртку ядовито-желтого цвета.

Хорошо еще, что гопники неопытные оказались, в безнаказанность свято уверовавшие. А будь они поумнее, поосторожнее? Отказались бы от дела, проверили бы и подозрительный подъезд, и помойку. Лови их тогда.

Нет, все равно бы поймали, под ними классный агент – девица, которую эти деятели своей крутостью потрясти хотели. Но скольких они б еще в больницу отправили? Или куда подальше?

Потому после обязательных поздравлений подчиненные

были пропесочены всерьез. Не только с тщательным обзором допущенных ошибок, но и с тем анализом умственных способностей и анатомических особенностей, на которые так богата речь бывших филологов. Так что выходили сыщики из начальственного кабинета хоть и окрыленные успехом, но затылки почесывали основательно.

Через час позвонили из паспортного стола – долгожданный загранпаспорт готов, можно получать.

Получил, но в посольство сам уже не пошел. Зачем? Для этого есть турфирма, хозяина которой три месяца назад отмазал от настойчиво навязываемой бандитской «крыши». Ее сотрудники и сделают все быстрее, и перед старшими братьями в штатском светиться не придется. Преимущества рынка, это понимать надо.

На обед сходил домой, благо недалеко, и уже оттуда позвонил вице-консулу. Хотя... какой к чертям вице-консул? Ясно же, что цэрэушник – на такой-то должности, с таким-то русским. Но сейчас речь шла не о шпионаже, а об одиноком мальчишке, живущем у чужих людей в чужой стране.

Поставить на плиту кастрюлю, снять трубку, набрать номер.

– Мистер Уоллес? Это Щербатов. Как там Поль? – Да, я понимаю. Конечно, приеду, а куда? – Можно – вечером? Да? А как поздно? – Отлично, только у вас, наверное, охрана? Нет, лучше я из автомата на подходе позвоню. Пройдемся по городу, погуляем, пусть парень отвлечется. Да, я ночью

его знакомой звонил, мисс Джудит Кэмпбелл, журналистке. Знаете ее? Звезда!? Нет, нет, уверяю вас, именно для Поля она время найдет. Впрочем, это все можно обсудить при встрече. Всего хорошего, мистер Уоллес, передайте Полю, что он не один.

Вот так. Чтобы гэбэшники не отследили звонок в посольство – такого быть не может от слова никак. Тогда выйдут на его вчерашний... точнее, сегодняшний звонок в Штаты. Самого Щербатова вряд ли слушают, на фиг он кому сдался, а вот факт международного звонка установят гарантированно. Так пусть знают, кому и зачем звонил, чтобы у любезного Владимира Евгеньевича вопросы лишние не появились.

Эх, со следующей недели отпуск! Махнуть к жене, дочери. Взять Аньку на руки, покачать, поцеловать. И хотя бы на это время послать ко всем чертям и эту работу, и эти интриги. И цэрэушников, и гэбэшников.

И тут же зазвонил телефон.

– Алло.

Вот помяни черта! Именно сейчас, именно домой. Наружку что ли прилепил? Делать ему нечего? Нет, скорее кто-то из отделения стуканул, что зам по розыску дома обедает. Ну и плевать – не бандитам же инфа ушла.

– Здравствуйте, Владимир Евгеньевич! Да, понял, завтра в десять я у вас.

Так, похоже, от ласковых гэбэшных лап не уйти. Так пусть хоть лапы будут знакомыми.

– Але, Гена, если я к тебе сегодня часиков в десять подъеду, не поздно будет? Разговор намечается интересный.

Кабинет генерала Валько

Валько отложил подготовленную Остохиным справку. «О беседе с «Одиссеем».

Однако... Два года назад казалось, что более встречаться с бывшим подчиненным ему не придется.

За пару лет до развала Союза генерала КГБ направили на работу в МВД. «Для повышения эффективности оперативно-розыскной работы», как значилось в приказе. Не одного, надо заметить. Так что начальником одного из курируемых отделов в ГУУРе был назначен еще один чекист – полковник Кузьмин, в подчинении у которого и работал Василий Щербатов. Начальником отделения по раскрытию убийств.

Летом девяносто первого в МВД Союза обратилась полиция Нью-Йорка за помощью в сборе доказательств для ареста советского гражданина Григоряна А.Р., переехавшего в этот рай капитализма и развернувшегося на местном криминальном поприще во всю ширь энергии, не растраченной в условиях соцзаконности.

По личному решению министра в августе того года в США были откомандированы Кузьмин, Щербатов и замначальника Управления кадров. «Для оказания практической помощи полиции г. Нью-Йорк в реализации имеющихся опера-

тивных материалов».

Через три дня, когда на московские улицы вышли танки и развал Союза стал неизбежен, Кузьмина и кадровика убили. Взорвали прямо в номерах фешенебельного отеля. А Щербатов, воспользовавшись периодом безвластия в стране, договорился с местной резидентурой и пустился в такую эскападу, описать которую в официальных документах не поднимется рука ни у одного здравомыслящего офицера.

В результате Закон, в его истинном значении, восторжествовал. Все виновные понесли наказание, хотя некоторые и не дожили до вынесения приговора. А Валько, одному из немногих, кто был в курсе той сумасшедшей операции, пришлось использовать все свои возможности, чтобы этот авантюрист сохранил свои погоны.

И вот Щербатов В.П., которому без его ведома чекисты присвоили псевдоним «Одиссей», вновь появился на оперативном горизонте.

– Значит, говоришь, наш друг уже дважды приходил? Не нравится ему, что райотдел его американскими приключениями заинтересовался? Мне тоже это не нравится. Работа была сделана хорошая, но уж больно поперек всех правил. Нет, нам это дело ворошить никакого смысла нету. Кстати!

Генерал поднял трубку внутренней связи.

– Саша, дорогой, загляни-ка ко мне.

Почти тут же в кабинет, предварительно вежливо постучавшись, вошел помощник.

– Слушаю вас!

– Это хорошо, что слушаешь. А скажи-ка мне, будь любезен, какого рожна ты вчера запросил в архиве дело «Одиссея»? Ты что ж думал, я на этот случай сторожок не выставил? Поиграть со мной захотел?!

Лицо помощника покраснело, пошло белыми пятнами, но ответ прозвучал твердо:

– Товарищ генерал, прошу посмотреть папку с документами, вон ту, что с краю лежит. Там мой подробный рапорт по ситуации.

Валько взял в руки сафьяновую папку с пометкой «Лично», вынул лежавший там документ, отпечатанный на двух листах.

– Так... гм... ага... ну что же...

И, посмотрев на помощника уже спокойным взглядом, продолжил:

– Ладно, иди уже. На будущее – о таких вещах сразу докладывай. Устно. Потом уже рапорта строчи. Ты это уже зарегистрировал?

– Нет.

– Ну и слава богу, ступай.

И на глазах подчиненных опустил документ в шредер.

– Стало быть, к «Одиссею» проявили интерес москвичи, да еще из октябрьского райотдела. Как раз того, который мы к работе по армянской ОПГ привлекали, – сказал генерал, когда они остались с Геной вдвоем.

– Это когда информация о готовящихся обысках утекла?

– Ну да. Ох, ну и прошлись же тогда по мне у министра... во-от. – Валько поднял вверх указательный палец. – А теперь тот же отдел нашим старым делом заинтересовался.

– А что, возможный вариант, – пожал плечами неторопливо ответил Остохин. – Я, перед тем, как к вам идти, у приятеля в УСБ поинтересовался – номер машины, под которым за этим убитым копом следили и который «Одиссей» зафиксировал, он за московской наружкой закреплен. И та бригада в тот день по заданию как раз октябрьского отдела работала, но совсем в другом районе. Это если документам верить.

– Очень интересно. Ты, Гена, вот что, пригласи-ка завтра товарища Щербатова к нам. Часикам..., – генерал посмотрел в ежедневник – да, часикам к четырнадцати двадцати. Посидим, покумекаем. Интересная комбинация может сложиться, а то засиделся, понимаешь, наш друг в окопе. Заскучал, поди, жирком заплыл. Да и райотделу надо ответ подготовить – неудобно, согласишься, вопросы без ответа оставлять...

Глава 7

Они сидели на скамейке около дипломатического дома. Огороженного солидной решеткой, охраняемого милицией. Только что за эту решетку, в этот солидный дом миловидная женщина увела Поля. Мальчик не хотел уходить, рвался еще посидеть с единственным в этой стране человеком, которого отец называл другом.

С суровой действительностью примирило лишь обещание, что до Женевы они полетят в одном самолете.

– Жаль мальчишку, – тяжело вздохнув, сказал Уоллес. – Если бы отец погиб на службе, мог бы рассчитывать на пенсию. А так...

– Что, вообще нет родни?

– Ну... – американец замялся, – есть, конечно. Родители матери живы. Но у них этих внуков – одиннадцать штук. И ни малейшего желания с ними возиться. Разъезжают по всему миру, наслаждаются жизнью. И, честно говоря, имеют право.

– А родители Фрэнка? – Шербатова покорила такая логика. Чтобы его родители отказались взять к себе его детей? Если не дай бог что?

– Только мать. Живет в доме престарелых... Эй, Бэзил, не спеши возмущаться! – Уоллес успокаивающе поднял ладони. – Ей богу, это не российские богадельни! Это очень хо-

роший... ну, по-вашему, санаторий. У нее своя комната, за ней прекрасный уход. Поверь, Фрэнк очень хорошо поступил, определив ее туда. И, кстати, это было непросто – знаешь, сколько желающих на ее место? А женщина не молода, он у нее был поздним ребенком. Там за ней такой уход, какого сын никогда бы не обеспечил.

– Тебе виднее.

– Со стороны всегда виднее. Например, то, что ты очень вовремя уезжаешь. В России опять неспокойно. Народ злой, Ельцин сцепился с Хасбулатовым, либералы с патриотами. Пршлый раз дело путчем кончилось, а чего сейчас ждать? Боюсь, что крови.

– Это ваши аналитики к такому выводу пришли?

– Какие, к черту, аналитики, сам, что ли, не видишь? Или есть желание с автоматом побегать. Можно узнать, на чьей стороне?

Щербатов задумался. Во время путча он был в Штатах. Та командировка по нему таким катком проехала, что до сих пор кошмары снятся да в холодном поту просыпается. Но танки на улицах видел лишь по телевизору.

А если опять? Тогда душа болела за страну, а сейчас? Ельцин, Руцкой, Хасбулатов... они вместе разрывали Союз. Сейчас перегрызлись за власть. Так что теперь, стрелять в русских? За одного предателя против другого? На хрен. Тот случай, когда американец прав – это не его война. Но так же не скажешь.

– Да ну, не нагнетай. Бог даст – обойдется. А насчет стороны... я ж мент. У меня одна сторона – закона.

С момента убийства Фрэнка прошла неделя. И каждый вечер Щербатов приходил к этому дому. Гуляли втроем, болтали о пустяках, стремясь отвлечь Поля от мыслей об отце. Вроде получалось.

А потом отправляли ребенка спать, а сами садились вот так на скамейку и разговаривали. По-русски. За это время успели перейти на «ты».

– Спасибо, что задержался с вылетом. И согласился лететь не Аэрофлотом – швейцарская компания обеспечит парню лучший сервис. Но это же для тебя, наверное, дорого...

Это уже была не случайная фраза. Четыре дня назад, сразу после доклада об очередной удачной закладке и получении сигнала от агента о ее изъятии, заместитель резидента изволил заслушать достижения подчиненного в вербовочной разработке Щербатова. И лично поставил вопрос – на какие собственно шиши обычный мент покупает билет на самолет дорогой европейской компании. Ответ «На деньги проживающей в Швейцарии жены» был признан неубедительным.

Поэтому после рассказа Поля об обстоятельствах знакомства с Щербатовым в тихом и никому не интересном пригороде Нью-Йорка, был послан запрос в Лэнгли. Ответ был многословен, но абсолютно пуст. Мол, был такой в официальной командировке, нахулиганил на вполне себе длительный срок, даже убил кого-то. Умудрился дать два интервью

на крутом телеканале самой Джудит Кэмпбэлл, после чего отпущен из страны с богом. Ограничениям со стороны американской юстиции не подвергался. Подробности, вероятно, знают в ФБР, но делиться ими с разведкой там не пожелаали.

В Лэнгли таким отношением коллег остались недовольны и перед мистером Уоллесом была поставлена задача хоть как-то прояснить, что за перец крутится вокруг юного американского гражданина.

Самым простым решением было – напоить этого перца вискарем из хитрой бутылки, после чего получить на все свои вопросы самые подробные ответы. Одна беда – пить собеседник отказался категорически. Мол, только что закончил лечение от дурной болезни, но алкоголь нельзя до конца недели. Во избежание. А чай можно и дома выпить.

Не поспоришь, приходится работать тоньше.

– Ничего, не разорюсь, – Щербатову не захотелось обсуждать свой недостаток. – Мне за интервью в ваших Штатах неплохие деньги заплатили, а тратить их особо и некуда – жена как раз в той Швейцарии живет, а одному мне много ль надо?

– А, так ты к жене... (можно подумать, что для нас это до сих пор тайна), тогда понятно, а я уж подумал, почему именно в Женеву и как тебе из страны выезд разрешили.

Прокол, однако, мистер. Реакцию вы дали на жену в Швейцарии, а не на интервью... хотя, наверняка Поль о нем должен был рассказать. Проверим. Только не в лоб.

– Поля кто-то из ваших будет сопровождать?

– Нет. Здесь посадим в самолет, в Нью-Йорке его встретят.

В пути авиакомпания за парнем присмотрит.

– Встречать кто будет?

– Не поверишь – сама мисс Кэмпбелл, лично. Вначале предполагалось, что кто-то из адвокатов, но пару часов назад мне поступил факс – дама получила от бабушки доверенность и встретит лично! Кстати, как эта богемная журналистка на тебя вышла тогда, два года назад?

Щербатов улыбнулся, вспомнив как был беззастенчиво снят вдрабадан пьяной дамочкой в нью-йоркском баре, как привез бесчувственное от выпитого тело в ее дом в Кранбери, как по дороге познакомился с полицейским Кассиди, пожелавшим узнать, кто рассекает по любимому городу в машине его соседки – мисс Кэмпбелл.

Но рассказывать об этом... на фиг.

– Обычно. Тогда в Штаты нас троих, ментов, в командировку отправили. Двоих убили. С третьим она захотела сделать телеинтервью. В посольстве одобрили.

– То есть это было официально согласовано?

– Конечно, я ж офицер.

«Интересный у меня собеседник, – мысленно усмехнулся Уоллес. – Врет естественно, как дышит. Хотя... он же коп, опер, как здесь говорят. Но все равно врет. Уж о Кэмпбелл-то из Центра побольше написали. Чай, личность известная. До этих интервью была одной из многих, такие по

Америке стадами ходят, в посольствах их в упор не видят. Ради них пальцем не пошевелият, не то что интервью будут организовывать.

М-да... Только умолчали вы, господин майор, что два года назад были не последним человеком в министерстве, иначе с чего бы вас в заграничную командировку отправили. А сейчас в заштатном отделении милиции плесенью обрастаете. Но это ничего, поможем подняться, есть у нас методы. Если договоримся, конечно».

– Василий, просьба у меня к тебе. Там в Швейцарии, в нашем посольстве мой родственник работает, у него как раз послезавтра именины. Ты ему подарок от меня не передашь? А то по почте пока дойдет...

– Надеюсь, не бомбу?

– Ну и шутки у тебя. Нет, вот, часы.

Уоллес достал сафьяновую коробочку, раскрыл. Там лежали металлические часы с дарственной надписью. «Биллу от Джона». Однако, «Ролекс»! Об их цене даже не хотелось думать. Ничего себе американцы друг-другу подарки дарят! И посылают с первым встречным. Доверчивые... но, как оказалось, не очень.

– Если не возражаешь, я их в аэропорту передам, а он тебя тоже прямо в аэропорту встретит. Мистер Билл Галбрейт, второй секретарь посольства. Вот его телефон.

– А меня с этим подарком на таможне не примут? Смотри, если что – с моей супругой лично объясняться будешь. Она

у меня дама обстоятельная, я ее сам побаиваюсь.

Когда русский ушел, Уоллес довольно потер руки. Если все сложится удачно, его коллега в Швейцарии установит контакт с весьма интересной семьей. Месячишко поработает с обоими, а потом переключится на супругу, а муженька передаст в его теплые объятия. И эти часики помогут в укреплении контакта. Если прокола не будет. А откуда ему взяться?

Глава 8

В аэропорт Шереметьево Щербатов приехал за три часа до вылета. дождался Уоллеса с Полем и только потом вместе с ними пошел к таможне. Впрочем, не сразу. Вначале полчаса оформляли документы в авиакомпании, после чего на их сотрудников была возложена вся ответственность за благополучие поездки Поля на родину.

Затем, когда мальчика увела серьезная тетя, вице-консул долго оформлял документы по доставке тела Фрэнка Кассиди. Гроб, с разрешения следствия, отправлялся тем же рейсом.

И лишь потом Уоллес в туалете, можно сказать, в интимной обстановке, передал Щербатову часы, разумно посоветовав сразу надеть на руку. Мол, часы свои, так что вопросов на таможне точно не будет.

Их и не было.

В самолете Щербатов и Польша оказались в разных концах салона. Вначале оба уговаривали стюардессу – серьезную молодую женщину, с классической арийской скрупулезностью следящей за порядком в салоне и в особенности за мальчиком, ответственность за безопасность которого на время рейса была возложена именно на ее плечи.

Пришлось объяснять, просить. Железную стойкость дамы сломал лишь взгляд Поля. Нет, парень не заплакал, не впал в

истерику. Он лишь смотрел на этого, самого обыкновенного мужчину, как на единственного в мире близкого человека. А в уголках глаз блестели такие недостойные почти взрослого мужчины слезы.

Сосед же Щербатова, лысый русский мужчина лет сорока в джинсах и сером твидовом пиджаке, летевший в Швейцарию по каким-то банковским делам, оказался человеком вполне понятливым. Сразу согласился пересесть. Правда, немного замешкался, поднимаясь, даже споткнулся достаточно неуклюже. Так что никто и не заметил, как в карман его пиджака опустились те самые злополучные часы.

А Поль, облегченно вздохнув, сел на освободившееся место. Вначале парня удавалось отвлечь от грустных мыслей болтовней о пустяках вроде новинок голливудского кино. Но нейтральные темы быстро закончились. Действительно, о чем можно безболезненно говорить с ребенком, только что ставшим сиротой? О доме, из которого придется уехать, потому что парню будет не с кем там жить? О школе и школьных друзьях, с которыми тоже придется расстаться?

О красотах Москвы, среди которых и убили отца?

Любая тема – все возвращало к одной мысли: он теперь один. Отныне ему никто и ни в чем не поможет. Даже этот русский – долетит до Женевы и поедет к счастливой жене, к маленькой дочке. А о нем забудет навсегда.

На глаза вновь навернулись слезы и, чтобы скрыть их, мальчик притворился засыпающим. А вскоре и впрямь за-

снул.

Снились лужайка близ дома в Кранбери, странное, но очень вкусное барбекю, что готовил этот... да, тогда его звали Клодом. И он вновь боролся с отцом, только в этот раз отец безоговорочно побеждал под звонкий смех одноклассницы. Линды Кэмпбелл.

Потом небо почернело, набежали низкие тяжелые черные тучи, они буквально давили на уши...

И Поль проснулся. Самолет пошел на посадку.

В аэропорту настало время прощаться. Мальчика очередная тетя в форме авиакомпании собиралась отвести в зал транзитных пассажиров, а русскому пора на выход. К жене и дочке. Вон как торопится.

Что ж, дядя Клод... или Бэзил... да какая разница. Прощайте. Навсегда. Но ведь мужчины не плачут. Так папа учил. Поэтому улыбка, протянутая рука, крепкое рукопожатие. И прочь из памяти. Поскорее бы.

* * *

Когда Щербатов подходил к таможне, обратил внимание, что рядом с инспекторами в форме вертелся некий тип в штатском. В общем, ничего бы в том не было странного, мало ли кто из служащих может быть у таможенной стойки. Но этот господин из всех прилетевших выцепил взглядом именно Щербатова. Задержал его ненадолго, можно сказать

на мгновение. Но только на нем. На всех остальных смотрел как на сплошную серую массу.

Так смотрят на будущую жертву карманники, которых не раз приходилось ловить в молодости.

Вот и его очередь. Все остальные прошли вообще без задержки, а тут...

– Господин, поставьте пожалуйста чемодан на стойку. Откройте пожалуйста.

Пальцы таможенника быстро, почти мгновенно пробежались по вещам, словно невзначай тронули коробку от часов, убедившись, что она пустая. Господин в штатском смотрел на запястья. Слава богу, пустые.

– Извините за беспокойство, господин, проходите пожалуйста. Добро пожаловать в Швейцарскую конфедерацию.

После таможни Щербатову приспичило. Так ведь бывает – ну вот срочно потребовалось посетить туалет. Что в этом странного?

Краем глаза выхватил в группе встречающих мужчину в сером костюме, держащего лист бумаги с надписью «SHERBATOFF». Мельком подумалось: «Даже фамилию написать правильно не могли».

Но не до того.

Вбежал. Зашел в кабинку. Постоял. А что там еще делать, если не хочется? Вышел, пошел к рукомойнику.

Ну надо же! Какой сюрприз – рядом стоит тот самый товарищ, что уступил Полю место в самолете. Проходит мимо,

спотыкается – вот ведь неуклюжий какой! И в тот же момент что-то опустилось в карман куртки.

И опять живот скрутило. Вновь в кабинку. Ну-ка, что в кармане? Часы «Ролекс». Щербатов мысленно аплодировал чекистам – заранее предвидели фортель на таможне. Подстраховали.

Если бы шел с часами на руке, наверняка бы задержали. Мол, «Это ваше? А вы Били или Джон? Ах, вы для передачи? А знаете, что перевозить чужие вещи правилами полета запрещено? А пройдемте-ка, поподробней побеседуем. Кстати, такие часики среди украденных числятся. Но это теперь уже не нам объясняйте, а полиции».

Потом, несомненно, возник бы благородный мистер Галбрейт, зря он что ли у прохода ошивается. Отмазал бы, само собой, но бумажки б остались. И обязаны ему были б и вы, мистер Sherbatoff, и ваша жена.

А теперь дудки. Фигушки. Теперь у нас пространство для маневра имеется.

Ну все, можно идти к встречающим.

– Мистер Галбрейт?

Ой, только не делай, дорогой, удивленное лицо. Ты ж меня узнал еще когда я к сортиру мчался.

– Мистер Щербатов?

– Он самый. Привет от мистера Уоллеса. Он просил передать...

Щербатов достал из чемодана коробку, снял с руки часы

и положил их на место.

Встречающий смотрел за этой нехитрой процедурой как на выступление фокусника.

– Спасибо...

Галбрейт протянул руку...

Не спеши, дорогой.

– Могу я взглянуть на ваши документы?

От этого простого вопроса американец едва не впал ступор. Как! У него? Требуется документы какой-то русский?! Но деваться некуда.

– Да, пожалуйста, – он протянул дипломатический паспорт.

И русский его сфотографировал! На маленькую камеру, что, оказывается, лежала прямо в кармане.

– Извините, мистер Галбрейт, – Щербатов смущенно пожал плечами. – Полицейская привычка все документировать. Вы ж знаете, откуда я приехал. У нас только разуй варежку – тут же самого разуют. Да и разденут заодно.

Собеседник и бровью не повел.

– Разуть варежку?! Интересная гипербола.

– Это метафора, заявляю как филолог.

– А я думал – коп. Впрочем, надеюсь, у нас будет время поболтать. Вас подвезти?

– О, нет, спасибо, должна жена забрать. Правда, она задерживается... ну да ничего, дождусь. А то знаете, если она приедет, а меня не будет, то случится тайфун. Маленький,

но бедной Швейцарии может хватить. Так что до свидания, мистер Галбрейт.

– До свидания, мистер Щербатов. Вот моя визитка – звоните обязательно. Швейцария – скучная страна, вы это скоро поймете. Поверьте, здесь поболтать с интересным собеседником – это действительно большая удача.

Американец пошел к выходу, а Щербатов сел за столик маленького кафе, расположенного прямо посреди площадки для пассажиров, и заказал кофе.

Никакая жена сегодня приезжать и не собиралась. Еще три дня назад он ей позвонил и сообщил, что приезд откладывается по служебным обстоятельствам. Каким? Об этом расскажет, когда приедет. Когда? Скоро. Но когда точно, пока не знает. Служба. Первый раз, что ли?

Так он и сидел, пока неподалеку не встал, начисто игнорируя многочисленных прохожих, мужчина. Тот самый, что уступил место Полю и потом возвратил часы. Мужчина погладил лысину двумя руками, убедился, что Щербатов этот жест увидел, и ушел по своим делам.

Первая часть операции «Круиз» закончилась. Их, этих частей, будет еще много. Но сейчас Щербатов взял перерыв.

Дальнейшие его действия никаким планом не предусматривались и, соответственно, никем не санкционировались. Теперь начиналась чистая вода авантюра ради личных, глубоко корыстных целей: познакомиться с сыном, навестить

его мать. И оформить, наконец, пластиковые карточки, чтобы добраться-таки до собственных денег.

Им уютно в американских банках. Именно в банках. В двух, если точно. Один счет открыт на его имя, второй – на господина Бонкриштиану. В сумме весьма неплохо получается. Но у пластиковых карт, что были выпущены на российский и бразильский паспорт, истек срок использования. Менять их надо, а для этого требуется всего лишь съездить в далекую Америку, ибо банки, формалисты эдакие, требуют личного присутствия.

Есть, правда, еще один счет, хитрый такой и жирненький. Но в его сторону пока нельзя даже смотреть. Смертельно опасно. Ну и черт с ним, проживем и без него. Прорвемся. Сейчас надо решить задачи-минимум.

Специально ради этой самоволки еще из Москвы был заказан билет из Цюриха в Нью-Йорк. Причем, на конкретный рейс, полет на котором автоматически должен был, по мнению Щербатова, решить многие проблемы проживания в Америке.

Осталось оставить в камере хранения лишние вещи, купить тот билет и спокойно пройти на регистрацию. Пока все складывалось удачно.

* * *

Поль сидел в зале для транзитных пассажиров. Рядом –

сотрудница авиакомпании, солидная и очень ответственная дама, строжайшим образом выполняющая важное поручение – обеспечить посадку юного джентльмена на борт, направляющийся в Нью-Йорк. Джентльмен должен быть накормлен, здоров и не потерять ни документы, ни ручную кладь.

И с этой задачей дама справлялась безупречно, выпуская подопечного из поля зрения лишь при посещении им туалета. Как бы она поступила, если бы потребовалось посетить это заведение самой, осталось загадкой. Может быть, вызвала бы подмену или терпела героически, как и положено потомку грозных швейцарских воинов, слава о стойкости которых гремела в средние века на всю Европу.

Но вот заботиться о чувствах джентльмена приказа не было. Потому красные глаза, да и слезы, порой катившиеся по лицу мальчишки, были проигнорированы. Может и к лучшему. Что можно сказать, какой сказкой отвлечь, если вот только что он навсегда расстался с человеком... нет, не родственником, не близким другом. Но именно с тем, через которого только и удавалось последние дни держать связь с миром.

Ясно, что человек этого не хотел, оно ему вовсе и не надо было. Ушел, как расстаются со случайными попутчиками. Легко, тут же, на месте выбросив их из памяти. Все естественно, даже нормально. В конце концов, кто ему этот американский мальчишка, если прямо здесь, в этом городе, где-то совсем рядом ждут жена и собственная дочь?

Сколько пришлось просидеть в этом проклятом зале? Час? Два? Поль не смотрел на часы. Просто, когда сопровождающая сказала: «Пора», встал и пошел к стойке регистрации. Зарегистрировал билет, прошел таможенную, пограничный контроль и сел на стул уже в зале вылета. Посмотрел на вылетающих. Нет, не разглядывал, просто посмотрел, потому что, если глаза не закрыты, они ведь куда-нибудь смотрят. А? Э? Что?!

Прямо напротив него, шагах в десяти, стоял... чертова задница, он-то здесь откуда?!

Хотел вскочить, броситься! Но Щербатов лишь сделал знак ладонью, и Поль остался на месте. Не дергаться? Да запросто! Главное, что дядя Бэзил здесь, смотрит на него и улыбается. И, значит, все будет хорошо.

Щербатов пальцем указал на дверь туалета и сам направился туда же.

– Мэм, мне нужно отойти, – Поль смущенно обратился к сопровождавшей.

– Тебе в туалет? – громко, чуть не на весь зал спросила дама. – Иди, но вернись сюда же, на этот самый стул.

Действительно, чего стесняться? Дело естественное. Да и не до стеснений было Полю. К заветной двери он бросился, словно беда могла случиться в любое мгновение. И уже там:

– Еще раз здравствуй. – Щербатов протянул руку, но куда там, Поль его просто обнял. – Спокойно, дружище, не смущай окружающих. Все-таки мы не в том месте, где обнима-

ются. Я бы не хотел, чтобы о нас черт знает что подумали.

Смущенный Поль отстранился и степенно, по-мужски пожал руку.

— И никаких вопросов, — продолжил Щербатов. — Все объясню в полете.

На свое место в зале мальчик шел легко, чуть ли не подпрыгивая. Строгая дама приписала эту смену настроения причинам чисто физиологическим, что, собственно, всех устроило.

Еще больше наших путешественников устроило, что в самолете оказалось много свободных мест и сесть рядом они смогли, не спрашивая разрешения ни у соседей, ни у стюардессы.

— Дядя Бэзил, вы откуда? — Поль задал самый главный вопрос.

— Как откуда? Из Швейцарии, естественно. Только теперь я не Бэзил, а снова Клод. Как тогда, два года назад. Фамилию говорить не буду, все равно не запомнишь. Но я все тот же дядюшка тети Джудит. Из Бразилии, где много диких обезьян.

— Понял, — растерянно сказал мальчик. Потом смешно потряс головой и выдал классическое: — Дядя Бэзил, вы шпион?

— Видишь ли, Поль, — на автомате ответил Щербатов и... рассмеялся!

Потом похлопал собеседника по руке и продолжил:

– Не обращай внимания. Просто этот диалог, он как в одном нашем фильме. И сам фильм в России известный, а уж эту фразу, ее, по-моему, каждый знает³. Будет возможность, покажу хорошее кино. А что касается твоих слов... ты же знаешь, я этим именем долго всем представлялся. Потом и полиция, и ФБР узнали, кто я такой. Но претензий же ко мне ни у кого не было. Так что не волнуйся, ничего плохого я не сделаю. Просто провожу тебя, повидаю Джудит, кстати, не забудешь, что сейчас она моя племянница? Вот. Да и уеду. Ну... кое-какие финансовые дела улажу, но клянусь, никакого шпионажа. Может еще и с фэбээровцами выпить придется. Знаешь, наверное, нам с ними есть что вспомнить.

Конечно, Поль помнил. После того, как по телевидению показали интервью с этим русским, который, оказывается, помог разгромить страшную русскую мафию, дочь тети Джудит Линда месяц ходила по школе задрав нос. Еще бы, знаменитый человек, когда совершал свои подвиги, жил в их доме! Там даже и стрельба была, и какого-то русского киллера убили прямо на их пороге.

Но и Поль свою часть славы получил – тоже ведь был с русским копом знаком, а его папа ему даже помогал. Кстати, действительно, ведь папа же рассказывал, что операцию, по большому счету, ФБР проводило.

– То есть в этот раз никаких приключений не будет? – с плохо скрываемой надеждой на еще какую-нибудь авантюру спросил мальчик.

– Типун тебе на язык. Мы не в кино. Поверь, ничего нет лучше спокойной жизни. Мирной и тихой. Как в вашем городке.

– Дядя Бэ... Клод, а что такое типун?

И дальнейший полет проходил уже под обычную болтовню. Иногда совершенно пустую, иногда даже веселую. Им было легко вместе. А все остальное – горе, проблемы, это все вернется, но потом, когда самолет приземлится.

ЧАСТЬ 2

САМОВОЛКА

Глава 9

После посадки к Полю подошла сотрудница авиакомпаний, столь же строгая и ответственная дама, как и предыдущие. Сказала, что обязана проводить его к мисс Джудит Кэмпбелл, которая уже должна ждать мистера Кассиди у выхода с таможни.

Но в этот раз Поль заявил, что в самолете неожиданно встретил дядю этой самой мисс Кэмпбелл и теперь без него не пойдет никуда и ни за что. Не желает, чтобы из-за него родственники разминулись.

– Извините, мистер Кассиди, – строгим, не предусматривающим и намека на возражение, голосом ответила дама. – Вот документы, в них не сказано ни о каких знакомых или чьих-то родственниках. Есть вы, в аэропорту вас должна встретить мисс Кэмпбелл с надлежащим образом оформленной доверенностью, а больше я ничего не знаю. И не желаю знать, заметьте.

И, крепко взяв мальчика за руку, направилась к стойке паспортного контроля, чтобы потом пройти таможню и на

выходе передать подопечного в надлежащие руки. Строго в соответствии с установленной процедурой.

В принципе, ничего страшного, у Щербатова на выходе заминка также не предусматривалась, но...

На паспортном контроле пришлось задержаться – у проверяющего засбоил компьютер. А как он мог не засбоить, если после ввода жуткого сочетания «Клаудэмарионееидэ Луис Густаво Бонкриштиану ди Гранин» на экране, том самом, что ни при каких условиях не видят пассажиры, высветилось: «Проходу не препятствовать, но передать под наружное наблюдение. Сообщить в Нью-Йоркский офис ФБР агенту Гордону Кончаку».

Но наружное наблюдение, оно в аэропорту не у стойки контролера сидит. Пока их старший прибежал, пока дал сигнал о готовности к работе, компьютер и был «сломан». Только потом заработал.

Так что дождался господин Бонкриштиану, когда, наконец, поставили ему в паспорт долгожданный штамп, да и пошел, ничего не подозревая, к выходу, благо багаж еще в Женеве оставил, в камере хранения аэропорта. А на выходе с таможни... ну как, скандал – не скандал, так – непонятка.

Джудит нет, зато рядом с Полем стоит браток, типичный такой, можно сказать – родной. Усы, борода и бритый затылок. Только спортивного костюма не хватает. В России последнее время именно такие пересели на шикарные машины, почувствовали себя хозяевами жизни и готовы доказы-

вать свой великий статус любыми средствами в любом месте и в любое время.

И самое удивительное – та самая дама из авиакомпании, которая только что насмерть стояла за правое дело инструкции, спокойно с ним разговаривала, вместе подписывала какие-то документы.

Поль пробует возмущаться, пытается что-то доказать, но взрослых, очевидно, его мнение не интересует. Что за черт?

– Здравствуйте, мистер! – Щербатов решил быть предельно вежлив. – Молодого человека должна встречать моя племянница, мисс Кэмпбелл. Вы на нее не похожи.

Браток уставился на него, грозно сдвинул брови, привычно сжал кулаки.

Ого! Вот это у него обручальное колечко! На правой руке, что характерно. Всю фалангу пальца закрывает, мол, знай наших.

Так, а что дальше? Орел же теперь говорить что-то должен, чай не в Бутово базарят. Нью-Йорк, чтоб его. По напряженному взгляду этого интеллектуала буквально чувствовалось, как со скрипом прокручиваются мысли в крепкой, но не слишком тренированной глубокими размышлениями голове.

– А ты кто такой? – егохватило лишь на стандартный вопрос, после которого на родине обычно начиналось лихое месилово. Но не здесь же.

– Повторяю еще раз – я родственник мисс Кэмпбелл. Она

должна встретить мистера Кассиди в аэропорту Нью-Йорка. А вот вы кто такой и по какому праву собираетесь забрать с собой молодого человека?

– Я – доверенное лицо его родственников, у меня все документы в порядке, – браток соизволил-таки объяснить ситуацию. Но боже, с каким же акцентом! Английский, поди, в Тамбове учил?

– Да-да, у господина все документы в порядке! – вмешалась в разговор строгая дама. – А если вы будете препятствовать, я полицию позову!

– Что же, полиция – это дело хорошее. Думаю, господа полицейские помогут разрешить нашу маленькую проблему.

И тут же, увидев неподалеку пару копов, поднял руку и закричал:

– Господа, будьте добры, подойдите.

Браток невнятно, но вполне узнаваемо выругался и широким шагом пошел прочь. Отойдя метров на десять обернулся, ткнул пальцем в даму и сквозь зубы сказал:

– Стойте здесь, я сейчас вернусь с адвокатом!

После чего его бритый затылок быстро затерялся в толпе.

А Поль облегченно вздохнул и, освободившись от навязчивой опеки сотрудницы авиакомпании, произвольно подошел поближе к Щербатову.

Старший бригады наружки стоял далеко, но видел, как объект втянулся в конфликт. И дал команду своему подчиненному установить подозрительного джентльмена.

На выезде со стоянки коп проверил документы у водителя кадиллака. Вечером данные его водительского удостоверения были включены в сводку наблюдения за объектом «Пеле».

Но это потом. А в тот момент в дело включился Закон и Порядок. Строгая дама объяснила полицейским, что вот этот вот господин незаконно вмешался в ее работу, помешав передать молодого человека представителю его законного опекуна.

В свою очередь, господин заявил, что действовал в интересах этого самого молодого человека, поскольку подозревал, что имела место попытка киднеппинга – серьезнейшего преступления, о котором следовало доложить по инстанции. А перед этим провести кучу обязательных мероприятий. Чем господа полицейские и занялись незамедлительно.

И, надо отметить, профессионально. В комнату полиции был приглашен юрист авиационной компании. Представленная братком доверенность, на которой должны были остаться отпечатки его пальцев, была аккуратно положена в целлофановый пакет и опечатана. Сопроводительные документы на Поля изъяты до конца разбирательства.

Это все хорошо, но в это самое время где-то в недрах аэропорта стоял гроб с телом Фрэнка. Где-то в городе что-то произошло с Джудит. При всей своей взбалмошности, ну никак не могла она опоздать к прилету Поля. Твою ж мать, делать-то что? Съездил, называется. Тихонечко, не привлекая

к себе внимания.

Всего-то надо было помочь парню добраться, потом повидать сына, да переоформить банковскую карту на бразильский паспорт, чтобы не лежали гонорары за научные труды мертвым грузом, чтобы тратить их можно было. Потому что на ментовскую зарплату, да еще постоянно задерживаемую, жить совсем тяжело стало, а тратить деньги супруги не позволяли остатки мужской гордости.

А теперь?

Если Поля хотели похитить уже здесь, в Штатах, то Фрэнка, скорее всего, убили не ради грабежа. И поездка его была вовсе не туристической. Господи, дружище, ну куда ж тебя влезть угораздило? Еще и сына за собой потащил!

На вопросы полицейских Щербатов отвечал спокойно. В конце концов, его эта ситуация касалась слабо. Еще два года назад, перед возвращением в Москву, фэбээровцы сказали, что приезжать по бразильскому паспорту он может спокойно. Или все же соврали? Ну хрен с ними. Максимум – выдворят и въезд запретят. В любом случае наше дело – не колоться, а дальше разберемся. Бог даст, выкрутимся, чай не впервой.

Да, гражданин Бразилии, да, дядя мисс Кэмпбелл. Правда, по-португальски ни слова, но об этом мы скромно промолчим. Да, знаком с господами Кассиди, и с Полем, и с его отцом, который в этом аэропорту сейчас в гробу лежит.

Нет, в самолете встретились случайно. Что еще? Ах да,

этот тип... ну Поль же сказал, что его Джудит должна встречать, и сотрудница авиакомпании подтвердила. А тот мордорот на его племянницу вовсе и не похож. Да вот и она сама, можете сравнить!

В этот момент в комнату полиции влетела растрепанная, покрасневшая от августовской жары и спешки Джудит.

– Поль, ты здесь! Слава богу! А... э... долбаная задница! Ты здесь откуда?

– И я рад тебя видеть, племянница.

Черт, не подумал! Если сейчас его назовут Бэзилем, из этой авантюры можно и не выкрутиться. Обниматься!

– Не ждала Клода Бонкриштиану? – Сжать покрепче, чтобы думать начала. – Сюрприз! Решил племяннице сюрприз устроить!

Она сжала объятия в ответ. Поняла? Дай бог. Отпускать подругу надо в любом случае.

– Здравствуй, дядюшка.

Ну вот и ладушки. А на ядовитый тон можно и не обращать внимания. Поважнее есть дела. Увы.

Из аэропорта ехали молча. Шикарный мерседес погромыхивал разбитой дверью – оказалось, что по дороге в аэропорт в машину Джудит въехал какой-то лихач. Обычно такие аварии оформляются минут за десять, но в этот раз лихачом оказался мексиканец не то что без страховки, но и вообще без прав!

Естественно, этот герой поднял крик, что во всем вино-

вата вот эта вот бледнолицая дама, потому платить он ничего не станет без решения суда. А для суда нужны доказательства – фотографии, свидетели, которых следовало опросить, показания должным образом оформить. Этим занимались полицейские, но, как положено, в присутствии участников аварии. На все – про все больше часа ушло!

В случайность аварии не верил никто. Но и обсуждать происшествие никому не хотелось.

Поль ехал в свой дом. Там он не будет одинок – мисс Кэмпбелл сказала, что его ждет бабушка. Какое-то время побудет с ним. А потом? Очень трудно в двенадцать лет понять, что ни ты, да и никто в мире не знает, что будет потом. Ни через десять, ни через пять лет – хотя бы через месяц.

Щербатов молчал, потому что не представлял, о чем сейчас говорить. Свое дело он сделал, помог парню добраться. И теперь, стыдно признаться, но предстоящая встреча с сыном волновала больше, чем все остальные проблемы вместе взятые. Будет еще какой-то разговор с его матерью, что-то, наверное, надо обсудить, о чем-то договориться. Но сейчас главное – увидеть сына.

Эти мысли занимали их минут десять. Потом долгий перелет взял свое.

Глава 10

Джудит вела машину, изредка бросая взгляд на заднее сидение, где, прижавшись плечами друг к другу, спали Бэзил и Поль. Первое потрясение от встречи с русским улеглось, да и, честно сказать, не было оно особо сильным – слишком многое в последнее время обрушилось на ее плечи.

Известие о смерти Фрэнка... оно не потрясло, не надломило, оно словно опустошило женщину. Она оформляла документы, состыковывала служащих аэропорта с похоронной фирмой. А до этого разыскала бабушку Поля, получила от нее доверенность, за свой счет привезла старушку в Кранбери. Связалась и со страховой компанией, и с посольством в Москве.

Но все это делалось отстраненно, словно она превратилась в автомат. Прекрасно отлаженный, эффективный, но начисто лишенный эмоций. Словно что-то в душе отключилось, сработал какой-то защитный механизм. Осталась только работа и это вот дело, вытягивающее, казалось, последние силы.

Она снова взглянула на Бэзила. И что? Где злость? Радость? Где хоть какие-то эмоции?

Но ничего. Завтра все закончится, завтра она снова станет собой. И тогда с Щербатовым придется разговаривать. Не только о сыне, тут все очевидно. Да, Бэзил отец, но она –

мать. И жить Клод будет с ней. С этим все ясно.

Ничего не ясно с их отношениями, о которых оба боялись даже упоминать в долгих телефонных разговорах.

И ничего не ясно с гибелью Фрэнки. Была надежда, что это несчастный случай. После сегодняшних событий она пошатнулась. И теперь без этого русского копа в ситуации не разобраться. Как он когда-то говорил? От слова «совсем»? Точно.

* * *

В Кранбери добрались под вечер. Джудит высадила Поля, передав его под опеку сухонькой пожилой женщине. М-да... согласится ли такая на суматошную жизнь бабушки непоседливого внука?

Впрочем, об этом позже. Вот и знакомый дом. Щербатов только вошел, едва успел беглым взглядом оценить изменения в обстановке – дорогую мебель и новый, огромный и плоский телевизор, как был сметен, обнят и расцелован нескладной белобрысой девчонкой.

За два года Линда вытянулась, но пока еще оставалась по-юношески угловатой, даже немножко неуклюжей. Волшебное превращение утенка в прекрасного лебедя было еще впереди.

Тогда появятся уже и сдержанность, и рассудительность. А сейчас на заморского гостя был обрушен водопад но-

востей, в основном крутящихся вокруг младшего брата. Школьные друзья, отметки и успехи в модном карате, (*Господи, это-то ей зачем?*) были отодвинуты на обочину. Главным был Клод, который только что чего-то смешное пробурчал, а до этого куда-то не туда залез, а вчера и вовсе такое отчебучил!

Джудит с усталой, скорее просто вежливой улыбкой смотрела на эту сцену. Как и на первую встречу отца с сыном.

Клод Васильевич был солиден, целиком поглощён чрезвычайно важным делом – изучал конструкцию пластмассовой машины. Попросту говоря, разламывал агрегат. Сопел, пыхтел, кряхтел, но не забывал поглядывать вокруг серыми прохиндеистыми глазами, словно уже придумал какую шкodu, но исполнение решил отложить. Пока. На срок неопределенный, но не очень большой.

– Хай, Клод. Я Бэзил.

Сын что-то пробормотал, не отвлекаясь от разламывания машинки.

Поговорили, называется. Но ничего, будет еще время. Позже...

Глаза Щербатова закрылись, он повертелся на диване, устраиваясь поудобней. И даже не запомнил, как хозяйка подложила под голову подушку, укрыла спящего гостя пледом. И уж тем более не видел, как подглядывала за этой сценой Линда. Достаточно взрослая, чтобы понимать, откуда у нее появился брат, и достаточно умная, чтобы не задавать

неудобные вопросы.

Утро выдалось солнечным и жарким. Джудит спустилась, одетая в строгий черный костюм. Принесла отглаженную черную мужскую рубашку. Где взяла? Да кто Щербатов такой, чтобы спрашивать?

Оставили с Клодом и Линдой няню и поехали дальше. Вначале в похоронное агентство, потом в морг и уже вслед за катафалком на кладбище.

Все это время Щербатов охреневал. Ну да, Джудит и Фрэнки были знакомы. Соседи, даже учились в одном классе. Но таких знакомых у нее —полгорода. Она что, всех так хоронит? На общественных началах? Сейчас!

Ой, что-то здесь не так! Но об это следует подумать позже, когда все закончится.

На кладбище все прошло быстро. На похороны кроме Щербатова и Джудит пришли мать Фрэнка, сын, несколько соседей. Все. словно не было у человека других родственников. Или потерялись они в круговороте американской жизни? Кто знает?

Священник прочитал короткую молитву, коллеги убитого отдали честь, гроб опустили, двое рабочих быстро и сноровисто засыпали могилу.

Да, были еще и коллеги, девять человек. Полицейских. В парадной форме.

Щербатов видел, как они подошли к Полю, о чем-то поговорили, пожали парню руку. Бабушке передали конверт. Все

правильно, деньги сейчас понадобятся.

Щербатов уже повернулся, чтобы идти к машине Джудит, когда на его плечо легла рука. Сзади стоял плотный, слегка располневший мужчина средних лет с легкой сединой в коротких курчавых волосах, выбивавшихся из-под форменной фуражки, необычно перехваченной сверху ремешком. С золотым дубовым листом на погонах серого парадного мундира.

– Майор Уотсон, шеф полиции Кранбери, – представился он, протянув руку для приветствия.

– Э-э... – замялся Щербатов, не представляя, какой фамилией назваться. Но американец пришел на помощь:

– Мы не знакомы лично, но по должности я в курсе, во что вы превратили наш мирный город в позапрошлом году.

– Я ж не сам по себе, майор!

– Знаю, знаю, майор. У вас ведь такое звание? Или за свои подвиги здесь, получили повышение там?

Щербатов горько усмехнулся.

– Получил. По шее. Спасибо, что не пинка.

Американец только вздохнул.

– Бывает. Работа у нас такая. Но раз вы с его сыном приехали, значит, какое-то отношение к расследованию имеете? Есть шанс, что убийство раскроют?

И что отвечать? Что сейчас в Москве таких убийств десятки? Что народ со службы валом валит, а те, кто остался, прежде всего думают, как выжить на те копейки, что от

щедрот своих нерегулярно платит демократическое государство?

– Думаю, нет. Ни свидетелей, ни следов. Кто-то увидел иностранца, решил, что может разбогатеть. Выстрелил сзади, вытащил из карманов все, что мог, да и убежал. Нет, если только когда-нибудь убийца попадется с пистолетом. И то вряд ли.

– Но после вчерашнего случая в аэропорту...

Фигасе! Уже знает! Откуда?

– Вам Поль уже рассказал?

– Помилуйте, майор! Аэропорт Кеннеди обслуживают не только нью-йоркские копы, но и наши, из Нью-Джерси. Эта история с попыткой киднеппинга уже по сводке прошла. Пока – как подозрение, но это пока я не доложил об истории с Фрэнком.

Приплыли. Съездил, называется, в турпоездку. Сына по-видать да с банком вопросы решить. Ага, и в качестве важного свидетеля федерального преступления зависнуть здесь хрен знает насколько. А в Женеве Алка ждет. А на службе отпуск капает, который и не резиновый вовсе. Твою ж мать, Кассиди, в какое дерьмо и зачем ты умудрился влезть?

– Спасибо за радостное известие, – тон Щербатова стал язвительным до сарказма. – Вот прямо вовремя обрадовали, прямо до глубины души, до печенок. Еще какими новостями благодетельствуете?

Коп лишь пожал плечами.

– Зря вы так. Я, между прочим, о Поле думаю. Утром у его дома больше двух часов крутилась машина, взятая напрокат. Никакие версии в голову не приходят?

Отлично! Просто лучше не бывает. Значит, тот, кто пытался увезти парня из аэропорта, скорее всего, не успокоился.

Нет, хватать манатки да валить отсюда нафиг. Сегодня не получится... но завтра же. Хрен с ним, с банком, с профессором. Сына увидел, с Джудит прямо сегодня поговорит. И нафиг! Это не его дела.

Глава 11

Днем семейство Кэмпбеллов гуляло по городу. Вместе с примкнувшим к ним Щербатовым. Да, именно с примкнувшим, а как еще скажешь? Он – женат. Она... ну вот зачем успешной, по-настоящему успешной американской журналистке в мужьях нищий русский коп? Чего она с ним делать будет? Выгуливать по парку, как домашнюю собачонку? Абсолютно ненужную, но милую и статусную? Статусный мент. Звучит.

Щербатов усмехнулся, ответил на какой-то вопрос трещавшей без умолку Линды. Ей было интересно все: как дядя Бэзил живет, какой у него кабинет, какая машина. Пришлось отвечать, куда ж деваться.

Живет в престижном районе, в центре, работает в отдельном кабинете, рассекает по Москве на ретро-машине. По сути – правду сказал. А то, что квартиру еще прежнее государство предоставило, кабинет дешевой ядовито-зеленой краской покрашен, а машина ретро, потому что ее давно менять пора, но не на что, об этом девочке знать не обязательно.

Вот получил бы в банке какую Visa или Mastercard, можно было бы и машину поменять. А пока... билет-то в Нью-Йорк на деньги жены куплен. Для поездки к другой женщине, ага. Позор, однако.

И снова вопрос – кто ему эта женщина? Нет, точнее, кто

он для нее?

Вот же она, идет рядом, привычно толкает коляску с сидящим в ней Клодом – отцу не доверила. Не хочет лишних сплетен или эмансипация свое берет? Неважно. Важно – что молчит. Наверняка о том же думает.

Когда вернулись домой, Линда, перекусив на скорую руку, отправилась в свою комнату на втором этаже по своим жутко тайным девчоночьим делам. А Джудит нарезала какой-то остро и вкусно пахнущей колбасы, сделала десяток сэндвичей. И поставила на стол бутылку «Столичной». Когда только успела купить? Никогда ведь в доме такого не держала.

– У вас принято как это... ну, выпивать в память?

– Поминать. – Щербатов налил в винные стаканы по пятьдесят граммов. – Да. Пусть земля ему будет пухом.

Джудит сделала маленький глоточек. Потом увидела, как пьет русский и также махнула. Закашлялась с непривычки, покраснела. Закусила. Села на диван и уткнула лицо в ладони.

– Фрэнка из-за меня убили, – сказала, не поднимая головы.

Потом налила себе еще граммов сто, выпила залпом. Закусывать не стала, вновь опустила голову.

– Это же я попросила его съездить в Москву. Оплатила поездку.

Она вновь потянулась за бутылкой, но Щербатов перехватил руку.

Господи, куда эта авантюристка ввязалась на этот раз?!

– Рассказывай.

Джудит подняла на него слегка ословевший взгляд.

– Да в общем-то не было ничего особенного. И уж точно ничего угрожающего. Получила я пару месяцев назад некую информацию. Кто-то из русских здесь у нас наладил неплохой бизнес. Впрочем, – она бросила на стол сложенный лист бумаги, – читай сам.

Отпечатанный на принтере текст. Сверху: *«Госпоже Кэмпбелл»*

А дальше:

«Сообщаю эксклюзивную информацию. В США налажен бизнес по вывозу из страны в Россию просроченных лекарств на десятки миллионов долларов в месяц. Лекарства с истекающим, но еще не закончившимся сроком годности приобретаются здесь по бросовым ценам. Таким образом, сделки по их продаже и даже вывозу из страны формально проходят совершенно законно.

Но в Россию они, возможно, приходят уже просроченными. Организаторы этой схемы в США мне неизвестны. А покупателем в России является фирма «Метроном-М». Ее офис расположен в Москве на Большом Палашевском переулке».

Подписи под текстом, естественно, не было.

Слов не осталось. Один мат.

– То есть Фрэнк поехал туда вместе с сыном. Вот так

запросто прогуляться по Москве с ребенком, заодно найти некую фирму, гоняющую по сомнительным схемам просроченные лекарства на десятки миллионов баксов в месяц? И что еще? Что еще, черт побери, он должен был для тебя сделать?! Ты понимаешь, что в Москве сейчас убивают? На неделе по несколько заказных убийств. Сводки происшествий уже как фронтовые выглядят! О чем вы думали? Оба?!

На крик, а Щербатов сорвался всерьез, выглянула Линда, но нарвавшись на яростный взгляд, вновь нырнула в комнату.

– Но... что здесь опасного? Обычная подработка полицейского, о которой молчат, но о которой все знают. Он должен был действительно лишь найти эту фирму. И...

– Что?! Было еще и «и»?! Американец, без языка, без связей и поддержки, едет в Москву мало что устанавливать, возможно, гангстерскую фирму, так еще и с «и»? Господи, ну что там еще было?

Джудит вжалась в спинку дивана. Таким отца своего сына она еще не видела. Веселым – да, собранным, злым – да, даже испуганным – было. Но не взбешенным. Дьявол, да у него глаза покраснели!

– Он должен был договориться об интервью.

Сказала и вжала голову в плечи.

– Если не будет опасно! Я сразу сказала, что только если это не будет опасно! Он должен был сам решать, на месте.

– То есть за интервью ты платила отдельно.

Он не спрашивал. Все было ясно.

– Много?

– Пять тысяч за фирму и еще десять за интервью.

Все встало на свои места. Джудит захотелось сенсации, поэтому она и не обратилась к отцу своего ребенка – боялась, что Щербатов даст делу официальный ход. Отправила школьного друга.

А Фрэнки что? Охреневшей от разгула преступности России он не знал, даже представить не мог, что там сейчас происходит. Посчитал дело плевым, еще и сына с собой взял. На экскурсию, блин.

Что случилось в Москве? Скорее всего, он действительно кого-то нашел и этот кто-то согласился на интервью. Потом банально сдал подельникам. Те проследили за пиндосом, убедились, что тот ни с кем не связан, крыши не имеет. Вытащили на встречу, да и грохнули, сразу и окончательно решив проблему.

Поль? Это уже из области версий. Скорее всего, пытались похитить. Потому, наверняка, и забрали документы, чтобы убитого не сразу установили. Тогда парня спокойно вывезли бы из гостиницы. А что, дяди полицейские сообщают о гибели отца, просят проехать с ними. И ведь сработало бы, если б Щербатов не приехал тогда в номер.

Что дальше? Та сцена в аэропорту – случайная накладка с опекуном или еще одна попытка похищения? Да, здесь есть над чем поразмышлять, здесь все возможно.

Но очевидно главное – если догадка верна, под прицелом находится не только Поль, но и Джудит. И Линда. И Клод. Сын. Значит, теперь это его дело. О скором отъезде придется забыть.

Он плеснул себе водки в стакан, выпил. Но руку протянул не к закуске, а к телефону. Глянул в записную книжку, набрал номер.

– Алло, будьте добры, соедините с вице-консулом Лисицыным. Алексей Владимирович? Здравствуйте, это Василий, мы с вами встречались два года назад. Узнали? Отлично! Я только что из Москвы, мы можем увидеться? Да, срочно. Нет, к вам я подъехать не могу. Я остановился у нашей общей знакомой. Надеюсь, вы помните адрес? Никогда не забудете, в кошмарах видите? Тогда мы вас ждем. Да, увы, разговор будет именно о кошмарах.

Консульство России в Нью-Йорке

У Лисицына как раз заканчивался рабочий день, один из многих. Нет, не тех, о которых пишут в шпионских романах, о которых снимают крутые боевики. Заканчивался рабочий день по должности прикрытия.

В течение которого следовало принять десяток российских граждан, выслушать их слезные жалобы на притеснения и гонения со стороны вконец обнаглевших аборигенов, по какой-то непонятной причине, а скорее из врожденной лени

и тупости до сих пор не желающих выучить русский язык. И это в то время, когда Софочка Абрамовна и ее любимый Додик Хаймович уже два года, как одаряют Америку своим присутствием.

И как теперь собрать документы, чтобы увеличить счастье этой страны прибытием родненького сыночки Марика и его ненаглядной Цилечки. Полтора часа миниатюрная, килограмм сорока весом Софочка, словно озверевшая пилюрама выносила мозг вице-консулу. И урезонить эту мелкую фурию не было никакой возможности. Лишь призвав на помощь закаленный в подобных боях контингент консульских жен, удалось-таки объяснить этой любящей еврейской маме, что разрешение на въезд дают, увы, эти самые американцы, которые в своей непроходимой тупости и лени пальцем о палец не ударят и ни на полшага не отступят от инструкции, по которой сорокалетний Марик может воссоединиться с любящей мамочкой, только не будучи в браке.

А уж как обойти этот шлимазлов запрет, Софочка Абрамовна, как истинная россиянка, и сама сообразит. Не впервой, поди.

И вот, наконец, закрылась дверь за настырной супружеской четой. Появилась возможность перевести дух, пару минут подумать о вечном. О том, что дочка, которая уже два года ходит в обычную американскую школу, подралась с одноклассником. На идейной основе, между прочим, – этот юный остолоп обозвал девчонку русской шлюхой и отвесил пинка.

В ответ получил пяткой в лоб с комментарием, что его голова от задницы ничем не отличается. Класс аплодировал, а папе предстоит объяснение с учителями.

И вот в разгар этих тягостных размышлений и зазвонил телефон.

Твою мать! На этого мента стоит четкий сторожок. На все паспорта! При любом его выезде из России в Америку Лисицын должен получить уведомление. И ни хрена. Как?

С другой стороны, не просто ж так он позвонил. Надо докладывать.

Разведчик вышел из кабинета.

– Любочка, – это к секретарше консула, – я в канцелярию.

Любочка, лишь пару месяцев, как приехавшая с мужем в Штаты, кивнула. Станный он, этот Лисицын. То заболит не вовремя, то опоздает, то наоборот, раньше с работы сбежит. В канцелярию он, как же. До конца рабочего дня теперь точно не появится, а работу за него другие делать будут. Муж, например. И чего этого бездельника четвертый год терпят? Или потому и терпят, что со всеми знаком и вискаря уже не по одной бочке выпил.

А Лисицын прямым ходом направился к скромному второму секретарю посольства. На столе его секретарши тоже скапливалась немаленькая папка бумаг на рассмотрение. Официальных. Сколько ждало в другом кабинете шефа, расположенном этажом выше, куда вход большинству сотрудников посольства был заказан, страшно было представить.

Семен Михайлович Арсеньев, мгновенно окрещенный местными острословами «Буденным», был переведен месяц назад из Намибии, возглавив направление «К»⁴ резидентуры. То есть как прямой и непосредственный начальник Лисицина.

Высокий, худой, немного нескладный русоволосый мужчина. Скромный, вот уж точно не душа компании, откровенно не конкурент блестящим и рафинированным дипломатам, с легкостью танцоров блистающим на приемах, ослепительными улыбками поднимающим настроение, располагающим к себе любого, самого угрюмого собеседника.

Такие, независимо от ранга и возраста, смотрели на Арсеньева как на откровенного неудачника, достигшего своего потолка и ни на что более не претендующего. Пять лет топтал африканскую грязь, с кем-то в МИДе о чем-то договорился, вот и получил синекуру.

Так рассуждали «чистые» сотрудники посольства. А коллеги по второй, главной работе пока своего мнения не составили. Рановато, надо присмотреться.

– Заходи, Алексей Владимирович, присаживайся. Что-то случилось?

Что же, надо начинать доклад.

– Семен Михайлович, вы с материалами по «Одиссею» знакомились?

– Это когда ты на всю Америку отжигал? Слышал, как же, мне этой историей еще в Ясенево все уши прожужжали.

Только материалы, извини, не смотрел, да и не собираюсь. Ты предателя прижал? Молодец. С «Ханом» контакт установил – вообще отлично. А тот мент, что в ту мясорубку попал, он мне и неинтересен вовсе. Выкрутился, домой вернулся невредимым, пусть радуется. Больше его к нам точно никто и никогда не пошлет.

– Так, Семен Михайлович, его и не посылали. Он сам приехал, только что звонил, в гости зовет. – Лисицын позволил себе улыбнуться. Чуть-чуть, в пределах дозволенного. Чтобы начальство за насмешку не сочло.

Оно и не сочло. Оно прибалдело.

– Как приехал? Зачем? В командировку?

– Зачем – не знаю, но точно не по службе. Может, по личным делам?

– Какие у мелкого мента могут быть личные дела здесь? Он сейчас кто? Рассказывали, что в какой-то глуши не шибко большой начальник. Где та глушь и где Нью-Йорк. А на какие шиши? Кто ему вообще визу выдал?

Лисицын глубоко вздохнул, провел рукой по лицу, собираясь с мыслями.

– Тут сразу-то все не объяснить, но, если кратко... Из своего родного Селижарово он таки в Москву вернулся, но всего лишь в занюханное отделение милиции, это верно. Но вот личные дела в Штатах у него могут быть запросто. Вы о шоу Джудит Кэмпбелл слышали?

– Ну, даже и посмотрел. А причем здесь она?

– Так то шоу и началось именно с интервью, которое «Одиссей» дал этой барышне. Потом еще и «Хан» ей информацию подкинул. Вот тогда-то она и поднялась. А через девять месяцев после отъезда Щербатова в Москву, вот почти день в день, родила дама. И «Хан» убежден, что наш друг и к этому делу руку приложил.

– Серьезно?! Ну, тогда уж точно не руку, – начальник усмехнулся.

Лисицын улыбнулся в ответ и продолжил.

– Семен Михайлович, об этом мы лишь догадываться можем. Но вот совершенно точно, что пятнадцать минут назад он пригласил меня в дом этой самой Кэмпбелл. И, кстати, виза «Одиссею» не требуется. Он совершенно спокойно мог приехать по грин-картам неких латиносов. Тем самым, что мы же ему когда-то и выдали. Кстати, об одном из этих паспортов в ФБР знают и, если «Хан» не соврал, почти официально закрыли на это глаза.

Арсеньев выдвинул ящик стола, достал сигареты. Потом долго искал зажигалку. Не потому, что забыл, где она лежит. Нужна была пауза.

Твою мать, не дошли руки. Серьезные дела, серьезные проблемы... Ведь говорил же предшественник – не поленись, посмотри. Аукнется еще это дело.

С другой стороны – расклад получается интересный, от такого грех отказываться. А дальше посмотрим, куда кривая вывезет. Пусть съездит, да и как этому Лисицыну запретишь

– вон как глаза горят. Прошлый раз лихое дело прокрутил, теперь повторения жаждет? Что же, пусть поиграет. А мы посмотрим.

– Мне интересно, Алексей Владимирович, если я сейчас скажу «нет», вы и впрямь не поедете? Серьезно? Запретесь дома, чтобы, не приведи господи, на столкнуться с другом на улице?

Потом задорно, как-то даже по-мальчишески улыбнулся.

– Конечно, езжайте, только на служебной машине и обязательно с шофером. Интуиция мне подсказывает, что после этой беседы за руль вам лучше не садиться.

Глава 12

Щербатов повесил трубку, вновь взял в руки бутылку. И отставил. К приезду разведчика голова должна быть ясной. А выпьем потом, если... нет, когда все успокоится. Вопрос – какой ценой.

Перевел взгляд на Джудит. Та мыла посуду. Никогда не мыла, всегда пользовалась машиной, и вот пожалуйста. Трет сосредоточенно, даже ожесточенно. Лишь иногда бросает взгляд на сына, чтобы не заполз куда не надо. Ждет разговора? Да. Надо поговорить? Наверное. Только как начать? «Дорогая, как будем жить дальше?» или «Джудит, я тут подумал...». Да ни хрена он не надумал!

Может, она что-то скажет? Кажется, нет. У нее, похоже, те же проблемы.

И, как за спасательный круг, мысли схватились за дело. За то, которое он уже сам себе поручил.

Итак, предположим, что Поля настойчиво пытаются похитить. Причем именно похитить, а не убить. Для этого готовы рисковать и тогда в Москве, и вчера в аэропорту. Зачем? Что мальчик может знать? Да ничего. Как бы легкомысленно Фрэнк не отнесся к этому делу, сыну он ничего бы не рассказал, он же профессионал.

Тогда, если супостаты не хотят что-то спросить, то... что-то найти? Что?

Щербатов напрочь ушел в свои мысли, даже не взглянул на разбитую Джудит тарелку. Ясно, что разбила специально, чтобы привлечь внимание. Но пока не до нее, пока главное — дело.

Еще раз. Вспоминаем все, что делал Поль после того, как узнал о смерти отца.

Вот он входит в номер гостиницы, сообщает о смерти отца. Парень молча отворачивается, идет к холодильнику, открывает дверцу. Достает бутылку воды, потом идет к письменному столу. На столе стоят два стакана. Поль пододвигает один, наливает в него воду, выпивает... нет, садится на кровать. Щербатов тогда сел рядом. Поль прижимается, выпивает воду... заплакал... нет, вначале отнес стакан на стол... да, и что-то взял со стола. И уже потом вернулся на кровать и заплакал. Но что он взял? Черт, тогда не обратил внимания!

Ладно, дальше, уже утром. Вот приходит Галганов с консулом, они... зашли в номер, но остались в прихожей. Мальчика будил Щербатов. Так, тот открыл глаза, удивился, не сразу вспомнил... дальше был похож на робота. Встал, умылся, почистил зубы, стал собирать вещи. Ему сказали, чтобы брал только свое, остальное привезут потом. Он и брал... носки, белье, зубную щетку...

Да!!! Подошел к кровати и, когда забирал лежавшую на ней майку, из-под подушки достал блокнот! Самый обычный, в дешевой картонной обложке. Никто из находившихся в комнате со своих мест этого не видели, да и Щербатов то-

гда не придавал этому значения. Косяк, однако, причем косяк серьезный. Но раз о нем никто не знает, то вроде как никто и не виноват?

Ладно. Но что это за блокнот, который мальчик, только что узнавший о гибели отца, первым делом взял в руки? Вряд ли первые стихи или заметки о Москве. Можно гадать, но лучше – узнать.

– Джудит, я скоро вернусь!

Это было сказано с облегчением. Не нужно думать, как начать сложный разговор, да можно и вообще не разговаривать!

И это в тот самый момент, когда она подобрала, наконец, нужные слова! Ну и пусть катится!

Джудит даже не повернулась в его сторону. Лишь когда закрылась дверь, бросила в раковину недомытую тарелку. И вновь разбила. Господи, что ж за день-то такой!

Но этого Щербатов, естественно, не видел. Потому и не оценил, и не смутился. Дело у него.

У входа в дом Кассиди стояла полицейская машина с опущенными стеклами. Двое копов сидели внутри, наслаждаясь вечерней прохладой. Проходящему Щербатову один из них лишь лениво махнул рукой, второй и вовсе ограничился кивком – видимо, в этом городишке он успел стать хоть немного, но своим. С кем привычно здороваются и кого также при-

вычно не замечают.

Столь же небрежно кивнув в ответ, русский коп поднялся на крыльцо. Дверь открыла бабушка Поля. Утомленное, состаренное горем лицо, следы слез под глазами, но голос строг и даже сух.

– Здравствуйте, мистер. Что вам надо?

– Мэм, я хотел бы переговорить с Полем.

– Я не думаю, что сейчас незнакомцам следует беспокоить мистера Кассиди.

Именно так. Отныне Поль – старший мужчина в семье, а потому – мистер Кассиди, и никак иначе.

– Мэм, поверьте, мы знакомы и очень давно...

– Я знаю, кто вы такой. В Кранбери вы достаточно известны. Также, как известен и ваш талант приносить неприятности вашим близким.

Наверное, в чем-то она права, но сейчас-то он как раз о ее внуке беспокоится.

– Простите, но мне действительно необходимо поговорить с вашим внуком. Поверьте, это очень важно, для него в первую очередь.

– Ба, кто там? – раздался знакомый голос из дальней комнаты.

– Твой русский знакомый, – ворчливо ответила женщина. И, неодобрительно посмотрев, посторонилась. – Проходите уже.

Щербатов пошел по коридору к комнате, но Поль не стал

ждать и выбежал навстречу:

– Я уже думал, что ты не придешь. – Было видно, что мальчик хотел броситься на шею, но увидев строгий взгляд бабушки, степенно подошел и протянул руку.

И в этот момент в дверь постучали. На пороге стоял полицейский сержант в форме нью-йоркской полиции. Она отлично подходила этому широкоплечему, подтянутому брюнету.

– Мэм, я сержант Альварес. Я должен поговорить с мистером Полем Кассиди, – обратился он к бабушке.

Щербатов присмотрелся – за спиной гостя не было кранберийских полицейских. Значит, все в порядке. Но! Фамилия испанская, а обручальное кольцо на правой руке! Несомненно широкое! Если снять парик, приклеить усы и бороду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.